

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

Начало моего экзамена. Каченовскій, три вопроса: Вѣнчаніе и муропомазаніе государей Русскихъ, Евреи, Малороссія. Давыдовъ: изложить догматически о похвальныхъ словахъ и обзрѣть оныя исторически. Ивашковскій: двѣ главы изъ Лукіанова: какъ должно писать современную исторію. Снегиревъ: изъ Саллюстія и de Senatu eiusque habitu. Надеждинъ: о сужденіяхъ, вкусѣ, категоріяхъ и исторіи искусствъ у Грековъ, по главнѣйшимъ эпохамъ. Погодинъ: Исторія-наука; ходъ философіи Исторія и исторія Франціи, по главнѣйшимъ эпохамъ.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы экзамень былъ такъ снисходителенъ. Только у Давыдова я смѣшался о томъ предметѣ, о которомъ писалъ ему въ студенчествѣ разсужденіе. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ. Слава Богу, что начало хорошо. Въ надеждѣ кончить мой экзамень хорошо. Это было 26-го Генваря ²⁾. Можно подумать, что я предугадывалъ или предчувствовалъ неуспѣхъ моего экзамена.

Мнѣ объявлено, что факультетъ признаетъ меня въ нѣкоторыхъ предметахъ, а именно въ Латинскомъ, слабымъ, почему, не отказывая въ экзаменѣ, отлагаетъ оный. Не такъ, не то: я ничего здѣсь не понимаю. Изъ Латинскаго мнѣ дано было перевести строкъ семь, изъ Саллюстія и вопросы изъ Древностей *de Senatu*. Не понимаю рѣшенія факультета.

Моя драма „Разводъ“ почти кончена. Я пишу ее для княгиня Катер. Семеновны Гагариной. Мнѣ кажется, въ ней главнѣйшая погрѣшность есть недостатокъ дѣйствія, и потому я скорѣе назову ее драматическою

¹⁾ Выдержки изъ этихъ Записокъ относящіяся къ позднѣйшему времени, помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1888, 1889 и 1893 годовъ. (См. по Росписи) Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ р. 1812 † 21 Мая 1876. Отецъ его Никифоръ Дмитріевичъ, докторъ медицины, далъ сыну многостороннее образованіе. П. Б.

²⁾ 1834 года. П. Б.

картиною. Княг. Голицына находить, что Гагарина никогда не согласится играть ее; надобно много учить, хотя положеніе гонимой жены ей очень нравится и въ ея амплуа.

Нынче И. Дав. говорилъ объ музыкѣ. Не понимаю, какъ онъ само-надеженъ, что не взялъ въ расчетъ понятія слушателей. Предубѣжденіе въ наше время бессильно. Юноша размышляетъ... и на его слова, которыя отецъ слушалъ, кажется, не безъ вниманія, сынъ, бывшій въ другой комнатѣ, смѣялся отъ чистаго сердца. И. И. самый ложный человѣкъ, какого я только знаю.

Подъ Москвой и подъ Петербургомъ жизнь провинціальная, деревенская измѣняется, но различіе подмосковной отъ подпитерской очень ясно. Подъ Москвою живутъ работники, кормилицы, зажиточные, подъ Петербургомъ извозчики. Подъ Москвою деревни, подъ Петербургомъ мызы, тамъ болѣе фундаментальнаго, здѣсь—болѣе дѣятельности, тамъ клети, здѣсь ямы. Москва и Петербургъ—это два государетва. Въ Москвѣ—Западъ на Востокъ, Петербургъ—Востокъ на Западъ; въ Москвѣ Иванъ Великій, въ Петербургѣ шпиць адмиральтейства; въ Москвѣ мѣщанинъ, въ Петербургѣ—воинъ и придворный. Между Москвою и Петербургомъ стоитъ Тверь, губернский городъ съ дворцомъ. Здѣсь жизнь просторная, тамъ сжатая; здѣсь связи фамилыныя, тамъ личныя, здѣсь домъ и дворъ, тамъ домъ и домъ, здѣсь жизнь для себя, тамъ жизнь для другихъ, здѣсь отдыхъ, тамъ дѣло, здѣсь фракъ, тамъ мундиръ, здѣсь балъ, тамъ парадъ, здѣсь жизнь семейная, тамъ публичная, здѣсь залъ, тамъ площадь. Вникнувъ въ Петербургъ, вы увидите, что жизнь его совершенно гражданская; кажется, и встрѣчный и поперечный все чиновники, класные, штатные. Вотъ вы на улицѣ, вотъ вы на Адмиральтейской площади. Все колосально, величественно, обширно. На площади ѣдутъ, идутъ, стоятъ, сидятъ, войска, обозы, извозчики, чиновники, купцы, торгаши, говорятъ объ дѣлѣ, всѣ спѣшать, всѣ заняты, больше пѣшкомъ; вотъ кареты съ красными кучерами, съ швейцаромъ съ перьями; народъ кланяется, караульные выбѣгаютъ, стукъ, крикъ, колесы, трубы, барабанъ, пальба; вотъ парная карета извозчика, вотъ сани, въ нихъ чиновники съ портфелями, модистка съ картономъ, солдатъ съ провіантомъ; вотъ Ванька съ облагороженными полостью санями везетъ съ Крестовскаго въ Обуховскую за гривенникъ; вотъ рядъ служащихъ въ галошахъ, съ зонтиками, вотъ Нѣмецъ. Снуютъ съ товарами, — шагъ, и передъ вами часовой; шагъ—передъ вами бѣлое перо, красная лента на шеѣ, въ петлицѣ, колонна дамъ безъ лакея, взводъ солдатъ, идущихъ на караулы; эти дамы жены

служащихъ, эти люди служащіе, дѣлающіе... Нѣтъ-ли празднoлюбца? Нѣтъ. Отъ чего же онъ не прїѣзжаетъ сюда прошататься, или негдѣ? Не съ кѣмъ. Заверните на право—Невскій проспектъ, налѣво—Нева: и тамъ и сямъ жизнь кипитъ, но не для потѣхи, а для дѣла. Вотъ Исакій—циклопическая работа, вотъ Казанскій—неразвитая мысль огромной колонады... Смотрите черезъ Неву, на другой берегъ, на версту разстоянія... Академія, Крѣпость, Андреевскій Соборъ и Монастырь; по водѣ боты, у берегу лодки, садки, и всѣ берега выложены гранитомъ, и на рѣку смотрятъ превосходныя зданія и вмѣстѣ рѣшетка лѣтняго сада.

Образованность Петербурга поразительна. Вотъ столица, вотъ резиденція государственной жизни, вотъ городъ пребыванія Русскаго Императора. Степень гражданственности, степень развитія мыслительнаго, образъ, средства и удобства жизни доведены, сравнительно съ Москвою, до высокой степени. Въ Петербургѣ нѣтъ обычаевъ, которые бы не имѣли основою достаточную причину, нѣтъ существа безъ значенія, нѣтъ значенія безъ усилія, нѣтъ усилія безъ опредѣленнаго стремленія. Я въ немъ только четыре дня и въ короткое это время, занятый по уши, я могъ только утвердиться въ моей всегдашней мысли: совершенствованіе открывається въ образованіи, образованіе есть улучшение, развитіе жизни во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ что я думаю о Петербургскомъ образованіи.

Я не зналъ Иваненка, но видывалъ его. Выраженіе лица его представляло кротость и умъ; не было ни быстроты взгляда (онъ носилъ очки), ни быстроты рѣчи; ни въ понятіяхъ, ни въ сужденіяхъ я не замѣчалъ ничего необыкновеннаго. Я не удивляюсь, когда слышу, что тотъ или другой убился, сошелъ съ ума: въ наше время это неудивительно.

Гедеоновъ (Степанъ), молодой человѣкъ съ превосходными средствами, съ хорошими познаніями и съ прилежаніемъ, общается большія надежды. Мнѣ кажется, онъ ихъ исполнить не вполнѣ, потому что любовь его къ наукѣ до сихъ поръ ограничивается ученіемъ тетрадокъ, основана на соревнованіи и своего рода честолюбіи, а не на истинномъ признаніи благодати науки. Если онъ бываетъ часто у меня, то это конечно погoму, почему и другіе: ради пользы въ настоящихъ дѣлахъ. Онъ просилъ меня указать ему сочиненія, въ которыхъ бы была обнята вся Всеобщая Исторія, безъ дробностей, въ полнотѣ и цѣлости.

Нѣтъ ничего тягостнѣе какъ требованіе любви, которой вы не чувствуете, требованіе отъ женщины съ прекрасною душой, но съ легкимъ,

хотя и благороднымъ, характеромъ. Вы не можете питать къ ней почтенія, потому что вы выше ея; вы побѣдитель, любите ее, но она требуетъ страсти, умиляетъ своимъ несчастіемъ, вашимъ великодушіемъ, проситъ одного слова на честь, на совѣсть, хоть для обмана... Опасайтесь дать его: оно будетъ отравою для несчастливицы... Вмѣсто почтенія и любви вы чувствуете къ ней участіе... другими словами, одно средство: бесѣда съ разсужденіемъ, убѣжденіе и тишина. Если вы не можете дать ей своего чувства, подѣлитесь своимъ умомъ и будьте искренними знакомыми, если не друзьями и не родственниками....

Я оскорбилъ ее, я обидѣлъ женское сердце, я слишкомъ круто поворотилъ дѣло, на страсть отвѣчалъ холодною, на мечты скукою; я положилъ себѣ непременно возстановить господство разсудка, показать непрочность любви и дать опредѣленнѣйшее понятіе о жизни и цѣляхъ; но я слишкомъ строго училъ ее. Она плакала, она ничего не слушала, не хотѣла понимать.... Мы разстались, я съ сожалѣніемъ, она—растерзанная; мы холодно пожали другъ другу руки, назначивъ завтра часъ свиданія...

Это—благо, это истинное счастье! Она перемѣнилась; дай Богъ, чтобы не на одинъ день! Она прекрасна, умна, разсудительна; она опять женщина съ милымъ разсужденіемъ, съ женскими качествами; она уже все объяснила себѣ, ей все кажется естественнымъ. Этого мало: она уже считаетъ правою и великодушною себя, а мнѣ оставляетъ одинъ умъ безъ чувства и великодушія. Мы ходили долго, болтали весело; я съ сожалѣніемъ прекратилъ нашу прогулку. Я ее увижу скоро, она опять занимательна. Прекрасная перемѣна!

Чѣмъ утверждается дружба и даже любовь? Ужъ конечно не взаимнымъ потворствомъ. Мы сѣли въ лодку и отправились въ Екатеринбургъ. Путешествіе было вовсе не такъ пріятное и романическое, какъ я представлялъ себѣ. Я жаль ея руку, былъ какъ-то разсѣянъ, говорилъ неладно и сердился на встрѣчавшіяся помѣхи. Мы пріѣхали и прошли правую половину. Перешли дорогу и сѣли на другой сторонѣ. Здѣсь, на единѣ, въ десять часовъ ночи, я поцѣловалъ ее; но теперь, когда я записываю этотъ день, поцѣлуи забыты, и я почти раскаеваюсь... Удовольствіе не въ совершеніи, а въ достиженіи... одинъ шагъ оставался до того, чтобы я презиралъ ее, и этотъ шагъ былъ близокъ, потому что я могъ дѣлать все. Обязанности должны быть священные, и преступленіе ихъ есть преступленіе, которое я не оправдаю самымъ благороднѣйшимъ чувствомъ, потому что соблюденіе своихъ обязанностей есть также благороднѣйшее чувство...

Это не любовь, это совсѣмъ не любовь. Если не видать ея мнѣ чувствительно, то это отъ того, что она умна, добра. Вѣдь любовь не разсуждаетъ, она слѣпа. Мнѣ кажется, эти строки писаны юношей въ 20 лѣтъ, который сомнѣвается въ своемъ чувствѣ. Неужели есть случаи, когда мы бываемъ произвольно дѣти, обдумываемся и раскисаемся, ждемъ и дѣлаемъ обѣты?.. Во всякомъ случаѣ, я не влюбленъ.

Мнѣ приходитъ странная мысль въ голову: чтѣ, если мои „Дни и Труды“ попадутся въ руки надзирателей образа мыслей и дѣйствій? Неужели весь этотъ сбродъ будетъ читанъ и перечитываемъ, и по нескладности цѣлаго стануть судить о молодомъ человѣкѣ? И можетъ быть, неосторожное выраженіе, порочное слово, мысль наведутъ какую нибудь тѣнь сомнѣнія или подозрѣнія? Чтѣ ни было бы, говорю какъ думаю. Образъ мыслей моихъ оригиналенъ и несходенъ съ современнымъ, знаніе дало мнѣ отличное воззрѣніе на все, даже на притѣсненія, если только власть можетъ притѣснять (въ чемъ, по моему, она не имѣетъ никакой нужды, а имѣетъ невыгоду); но власть и необходимость гражданской и общественной іерархіи, какъ равно необходимость исключенія, случайности, преимущества... Если бы я имѣлъ несчастіе подпасть подозрѣнію и строгому розысканію, я бы почелъ это счастіемъ: тогда моя карьера была бы открыта и обширна; я ни въ чемъ такъ не убѣжденъ, какъ въ искренности моего желанія быть преданнымъ и вѣрнымъ.

О юноша красный! Ты въ цвѣтѣ и силѣ, ты жизнь начинаешь.
 Душа молодая ясна и свѣтла, какъ роскошный день Май,
 Порокъ, предразсудокъ и опыты лѣтъ до нея не коснулись.
 Свободна отъ узъ, налагаемыхъ временемъ и свѣтомъ,
 Она произвольно летаетъ, витаетъ, гдѣ любо, гдѣ лучше;
 Невинна и полная чувства, она откровенно и быстро
 Дастся на слово, не вѣря въ коварство, не требуя клятвы.
 О юноша красный! Храни испорченность невиннаго сердца;
 Люби чтѣ ты истинно любишь и словомъ для шутки не тѣнись;
 Правдивъ будь и вѣрой, обманомъ играть не пускайся повѣтски,
 Не смѣй расточать свои мысли и гибкій свой умъ въ обольщенны,
 Не смѣй лицемѣрить и слабость другаго считать своей цѣлью.
 Вѣги того мѣста, гдѣ взоры тобой нелюбимой узрѣли
 Тебя и зажглись непризванною страстью, минутно, невольно.
 Не дай разгораться огню, коль въ тебѣ нѣтъ взаимности сердца:
 Огонь обойметъ всю несчастную жертву, а ты соглядатаемъ будешь!
 Не жми, другъ, коварно руки и біенія сердца не чувствуи.
 Лобзанья... о юноша добрый! Лобзанье не слово, а дѣло!
 Лобзанье—преступное дѣло. Объятія! Другъ благородный,
 Ты тонешь въ объятіяхъ,—тонешь въ забвеніи души непорочной.
 О вырвись! Объятія.... шагъ, и все кончено, все: ужъ не тайна,

Не тайна, что въ сердцѣ твоёмъ нѣтъ святаго и чести;
 Не тайна, но горшее, горшее зло ожидастъ тебя по свершени.
 Какими глазами ты взглянешь? Имешь руку—не бьется ужъ сердце!
 Кладешь поцалуй на уста—онъ не жарокъ! Въ объятіяхъ—тѣсно,
 Душа все черствѣе, черствѣе и чувство...

Надо будетъ кончить. Я жалѣю, что свободный ходъ моихъ мыслей былъ прерванъ приходомъ, не знаю кѣмъ-то.

Погодинъ послѣ завтра ѣдетъ въ чужіе края—обѣхать въ четыре мѣсяца всю Германію, чрезъ Швейцарію и Сѣверную Италію возвратиться назадъ. Онъ ѣдетъ съ женою—гулять... Мнѣ въ сто разъ пріятнѣе видѣть двухъ супруговъ, кажется, истинно счастливыхъ, съ расположеніемъ благороднѣйшимъ.

(Юля 27). Онъ (братъ Константинъ) уѣхалъ, проживъ 6 дней. Я сей часъ провожалъ его. Какое-то смутное, неопредѣленное чувство любви и сожалѣнія, желаніе передать ему свой взглядъ, свой образъ чувствованій, свои знанія, свои манеры, все это толпилось и тѣснилось и при живости желанія, при горячности любви, сказывалось въ прямыхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ, въ замѣчаніяхъ на все, что мнѣ не нравится, безъ вниманія къ короткому свиданію. Я торопился высказать ему, но и не думалъ, принимается ли это къ сердцу или съ сердцемъ... Что за неправильность въ жизни, что за инстинктуальность въ дѣйствіяхъ, неопрятность, опустѣніе, облѣнность, какая-то просительная преданность и вѣра въ необыкновенное, отсутствіе любознательности... Да и самая любовь ко мнѣ есть привычка, а не святая обязанность братства. Я думалъ, что онъ прекрасной души человѣкъ; совсѣмъ нѣтъ: онъ не мягокъ, а просто лѣнивъ, онъ поддается для того, чтобы не толковать; сознается онъ рѣдко. Для этихъ господъ лучшее дѣло вспоминать, какъ мы бѣгали за яблоками, какъ шалили въ юности, какъ и что сказали смѣшного... Удивительное дѣло! Дай Богъ, чтобы поѣздка ко мнѣ была для него не безъ пользы...

При желаніи сказать оригинально и странно, немудрено, что придетъ кому нибудь въ голову опредѣлять Исторію „представленіемъ слиянія завоевателей и родичей“, слиянія и постепеннаго распространенія первыхъ. Такъ начались всѣ Европейскія государства. Отъ перваго вторженія до минуты, въ которую я пишу эти строки, завоеватели и родичи спорятъ между собой, роды съ родами, поколѣнія съ поколѣніями, преданія и дѣйствительность.

В. А. Каратыгинъ человѣкъ съ необыкновенными средствами, данными природой и развитыми искусствомъ: онъ не зарылъ своего таланта, онъ далъ ему направленіе сходственное съ существомъ его.

Г. Каратыгинъ одинъ изъ прекрасныхъ актеровъ, талантливый и образованный. Здѣсь, какъ вездѣ, надобно различать данное природой и данное искусствомъ. Природа дала г. Каратыгину прекрасный, стройный, высокій ростъ, величавую наружность и огромный голосъ; она дала ему глубокое чувство и ту нервичную раздражительность пылкой страсти, которая граничитъ съ самозабвеніемъ, сумашествіемъ. Искусство дало ему знаніе представляемыхъ имъ лицъ, сценическія положенія, жестикуляцію и измѣненіе тона. Г. Каратыгинъ *изучаетъ* свою роль. Вы замѣтите иногда, то онъ ея не понимаетъ или понимаетъ да не такъ; но вы всегда увидите исполненіе вслѣдствіе принятой идеи, а не просто, не какъ нибудь. Это происходитъ отъ недостатка положительныхъ знаній. Роль Отелло исполняется имъ хорошо, но совершенно не исторически: онъ играетъ Венеціанца подъ маской Мавра, а не Мавра въ Венеціи. Роль Ляпунова иногда просто смѣшна, но здѣсь вина сочинителя драмы, хотя г. Каратыгинъ переломилъ и самаго сочинителя. Это отъ недостатка положительныхъ знаній. Второй порокъ Каратыгина: онъ утрируетъ; маломальски есть поводъ, и онъ приходитъ въ самозабвеніе, воспламеняется до высочайшей степени и переходитъ слишкомъ быстро къ обыкновенному состоянію. Этотъ порокъ отъ излишней аффекціи, а она у г. Каратыгина видна въ голосѣ, въ выраженіи лица и въ жестахъ; за то, гдѣ самозабвеніе уместно, онъ исполняетъ роли гениально: самозабвеніе есть его сфера, и вотъ почему онъ необыкновенно хорошъ въ Гамлетѣ. Аффекція (видимое усиліе) есть признакъ неподложнаго образованнаго таланта, но вмѣстѣ и доказательство отсутствія гения. Иные говорятъ: въ немъ болѣе искусства, нежели природы, въ немъ все изучено, принаравлено... Да развѣ г. Каратыгинъ не на сценѣ? Развѣ онъ точно царь, игрокъ, Тассъ? Это самое пошлое сужденіе, котораго нечего и опровергать. Идя въ театръ, я хочу смотрѣть, какъ будутъ *представлять*, а не какъ живетъ и дѣйствуетъ Ричардъ, Іоаннъ... Странно было бы увѣрять себя и дойти до той дѣтской простоты, чтобы думать видѣть не актеровъ, а самыя лица. Все противъ этого: и неточность костюма, и знакомство актеровъ, и дурная игра второстепенныхъ лицъ и наконецъ театръ, публика, ночь. Толпа способна еще вѣрять этому на минуту, но я—никакъ; я участвую въ актерѣ и чтобы доказать справедливость этихъ словъ, я васъ спрашиваю: какова игра нелюбимаго вами актера? Будь пренесчастный, онъ смѣшонъ; будь онъ превеликодушный, онъ просто дурень.

Хорошій актеръ даетъ вамъ лучшее, живое понятіе объ искусствѣ, но вмѣстѣ съ симъ дѣлаетъ васъ и взыскательнѣе. Мѣркою служатъ отличныя мѣста его исполненія, и вы требуете: будь же всегда таковъ!

Въ нѣкоторомъ смыслѣ хорошій актеръ не можетъ быть дурень, потому что онъ хорошъ; но если на него навалили роль несообразную съ его привычками и наклонностями, если въ *его* роли авторъ не всегда правъ и не всегда уменъ, если всѣ внѣшнія обстоятельства, житейскія и мірскія не мѣшаютъ игрѣ... вѣдь это искусство которое имѣетъ свой алтарь: приближайся къ нему запятанный и безпокойный, дерзкій и непосвященный; выдержи искусь, изучи и будь введенъ въ предверіе; тутъ, исполненный своею цѣлью, со страхомъ переступай въ святилище, гдѣ горитъ неугасимый огонь искусства, и онъ, геній, слетитъ на тебя невидимо, но чувствительно, и ты, одушевленный имъ, иди на сцену и давай наслажденіе пришедшимъ для развлечения, отвлекая ихъ отъ прозаическихъ отношеній жизни и внушай понятіе, чистое и высшее о твоёмъ искусствѣ, котораго (надобно признаться) нѣтъ выше и сильнѣе. Актеръ—рабъ поэта, но геній-актеръ покоряетъ себѣ поэта: онъ властелинъ, онъ двигаетъ перомъ писателя по своей волѣ, и авторъ—я говорю о средственномъ—слѣдитъ талантъ актера въ его полетѣ, въ его отличительныхъ свойствахъ, даже въ его недостаткахъ. Г. Каратыгинъ однообразецъ, но я не видалъ артиста лучшаго и не могу сравнить его ни съ кѣмъ. У него есть приемы, тоны, жесты, которые всегда въ дѣйствіи; жаль, что эти приемы не такъ просты и благородны, чтобы они могли пройти безъ вниманія. Величайшій недостатокъ нашихъ актеровъ—и Каратыгиныхъ—это: *ils se donnent trop de peine**). Вотъ мое мнѣніе. Можетъ быть, узнавъ актера короче, я долженъ буду перемѣнить его и прибавить къ нему, но я вѣрю первымъ впечатлѣніямъ.

Я не желаю видѣть картинъ Аполлодора, Полигнота, Зевсиса и Апелесса; я не предполагаю въ нихъ ничего удивительнаго. Кромѣ того, что техника ихъ не совершенна, оптическая перспектива не точна, сліяніе свѣта и тѣни примѣтное, линейное, въ нихъ только и возможенъ контуръ, правильность рисунка... но кого же правильность рисунка можетъ удивить послѣ картинъ Рафаэля? Въ нихъ нельзя искать колорита уже потому, что средства (краски) были ограничены; нельзя искать выраженія. Древняя живопись есть пластика на холстѣ. Все состояло въ правильности формъ, колоритъ былъ дурень, выраженіе остолбенѣлое. Нельзя, однако, не сказать, что въ Апелессѣ живопись дошла до высочайшей степени, до какой могла дойти: онъ, мало того, что имѣлъ идеалы, онъ думалъ написать мысль, идею, олицетворить цѣлую поэму, а до него не было группъ; если были, то безъ сплетенія, отдѣльны. Онъ задумалъ изобразить бурю, какъ явленіе природы и аллегорическое олицетвореніе; жаль, что мы не знали подроб-

*) Они черезъ-чуръ трудятся.

ностей плана (Филостратъ, 1. 14. говоритъ мало и неопредѣленно), но въ этой смѣлости видно уже совершенство искусства.

Я сегодня ходилъ по Эрмитажу. Вотъ имена, которыя смѣшанно удержались въ памяти (въ Эрмитажѣ надобно быть сто разъ): Рафаэль (его двѣ картины: Юдиѳъ и Святое Семейство), Мюрилло, Вандейкъ, Вернетъ, Рембрандтъ, Теньеръ, Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ, Рубенсъ, П. Перуджини и вся Римская галлерей, особенно тирановъ. Все это старые знакомые, всѣхъ я ихъ зналъ въ школѣ; но жаль, что эта школа была не подлѣ Эрмитажа... Я боюсь говорить себѣ. Вѣдь Рембрандтъ, Вернетъ, Клодъ-Лоренъ, Корреджіо,—вѣдь это такіе геніи, возлѣ которыхъ стой и удивляйся, къ которымъ подходишь съ предубѣжденіемъ... И какъ много наслажденія въ самомъ созерцаніи! Боже мой! Отчего Рафаэлю не дался колоритъ... вѣдь рисунокъ его—это чудо, истинно чудесное. Рембрандтъ говорилъ: картины ничѣмъ не пахнутъ, не подходите близко, смотрите издали... И что за смѣлость кисти, какая быстрота! Онъ, кажется, творилъ по одному слову, въ одну минуту. Не подходите къ его картинамъ, удивляйтесь имъ издали... А это небо Клодъ-Лорена!

Оставляю до отчетливаго и внимательнаго пересмотра. Не надобно мнѣ указателя, я найду самъ; прекрасное укажется само собою... Но при изученіи узнаётъ человѣкъ, какъ впечатлѣнія мѣняются по степени развитія спеціального смысла.

Фредегонда необыкновенная женщина своего времени. Она не была наложницею Хильперика, но своей хитростью прямо сдѣлалась его женою. Вотъ эта хитрость. Супруга родила дочь, Хильперикъ былъ въ отсутствіи, въ набѣгѣ. Государыня спрашиваетъ у своей горничной: Надобно ли крестить ребенка?—Надобно: государь пріѣдетъ и разсердится, если онъ не будетъ крещенъ. Становятся у купели; нѣтъ крестной матери. Подержите своего ребенка вы сами, государыня: это ничего. Такъ и сдѣлалось. Когда пріѣхалъ Хильперикъ, Фредегонда вышла къ нему навстрѣчу и сказала: *Ave rex felicior. Deus tibi filiam dedit; sed cum qua dominus rex dormiet hac nocte, quia domina mea regina commater tua est de filia tua Childerinda?* Онъ отвѣчалъ: *Si cum illa dormire nequeo, dormiam tecum...* Фредегонда просила о сестрѣ; Хильперикъ вмѣсто того, чтобы найти ей достойнаго мужа, женился на ней самъ. Фредегонда отвѣчала: *quod bonum videtur in oculis domini mei, faciat: tantum ancilla tua cum gratia regis vivat* *). Хильперикъ

*) Здравствуй, счастливый царь. Богъ далъ тебѣ дочь. Но съ кѣмъ государь-царь будешь спать эту ночь, такъ какъ государыня моя тебѣ кума по дочери твоей Хильдериндѣ. Если съ нею не могу спать, то буду спать съ тобою.—Что хорошо въ очахъ моего Государя, то пусть онъ дѣлаетъ, лишь бы служанка твоя жила въ милости царской.

женился на Готской принцессѣ Галесвиндѣ. Фредегонда осталась служанкой; Галесвинда, которая переѣзжая Пиринеи, рыдала на груди матери и говорила: Богу такъ угодно, надобно покориться, Галесвинда была удушена. Фредегонда стала опять царицей, но теперь она начнетъ царствовать.

1835 г.

Когда мы возвращались въ дилижансѣ изъ Царскаго Села, на Сѣнной площади экипажъ нашъ задавилъ женщину; я сперва слышалъ глухіе, невнятные крики, но когда карета проѣхала, задавленная кричала громко и болѣзненно. Кучеръ, по глупости, думалъ ускакать; сто голосовъ поднялось на улицѣ, бѣгутъ, скачутъ, наконецъ часовые, хожалые хотятъ остановить, не могутъ; преслѣдуютъ экипажъ въ догонку до самой квартиры, которая была недалеко. Солдатъ сдернулъ кучера съ сими словами „и не остановится!“ Виновный отведенъ въ будку и конечно до изслѣдованія дѣла много потерпитъ за то, что не остановился и заставилъ бѣжать небойкаго стража... „И не остановится“, не сказалъ же: „задавилъ женщину“. Долженъ ли дилижансѣ останавливаться? Но и я похожъ на часового, спѣшу прибавить: дай Богъ задавленной быть здоровой; быть, какъ мнѣ часто случалось видѣть, мнимо задавленной.

*

Неужели всѣ эти земли, всѣ эти моря, всѣ эти народы составляютъ одну націю? Одну державу, подъ однимъ скипетромъ подданныхъ Русскаго государя.

Чрезвычайное протяженіе Россіи изумительно; но здѣсь тѣмъ болѣе бы вѣрно удивляться разноплеменности обитателей и различію климатовъ и мѣстностей. Этого не было въ исторіи.

Римская имперія зависѣла отъ своихъ провинцій: Египеть давалъ хлѣбъ, Греція—ученіе, Азія—золото, Сѣверъ—солдатъ, Африка—рабовъ; всѣ провинціи были отдѣльны, платили дань за покровительство, иногда сохраняли своихъ владѣтелей, свой порядокъ, свои законы. Римъ никогда не думалъ о единообразной системѣ управленія, онъ былъ глава (городъ Римъ) между союзниками и употреблялъ во зло свое первенство. Если посылались въ провинцію войска, то для держанія оной въ повиновеніи или защиты отъ нападенія стороннихъ; но вводить порядокъ въ управленіе государствомъ и финансами его, но понимать и удовлетворять нуждамъ страны, заводить, поощрять промышленность, образованіе, давать направленіе мысли и дѣлу—этого Римъ и не думалъ и не хотѣлъ дѣлать. „Да говорятъ всѣ по латыни“, приказываетъ Сенатъ, какъ будто это возможно?.. Но съ другой стороны: Ликійскій

посланный, гражданинъ Римскій, прїѣхаль въ столицу просить о помилованіи возмутившихся и (Dio Cass. LX.) не умѣлъ ни слова говорить по латыни. Неронъ поставилъ „Splendidum virum, gratiae provinciae principem, virum latini sermonis ignarum (Sveton-Claud. 16) Римскимъ правителемъ важнѣйшей области. Но и самый языкъ можетъ ли быть достаточнымъ средствомъ слиянія общественнаго, средствомъ возможнымъ въ первые годы соединенія?

Обстоятельства, въ которыхъ былъ Римъ, совершенно различны отъ современныхъ намъ; состояніе понятій и странъ, требованіе общества и цѣль закона все измѣнилось, все кажется противъ разнороднаго соединенія. Однако Россія не вымысль, и сомнѣніе неумѣстно.

Здѣсь должны быть рѣшены два вопроса:

1.—Странами или обитателями владѣть Россія?

2.—Совершенно ли это владѣніе, т. е. по всѣмъ ли формамъ обозначена эта принадлежность и приносить ли она выгоды, какихъ въ правѣ ожидать владѣтель отъ своей собственности? (я не говорю объ общественномъ слияніи, для этого еще идетъ время; я говорю о томъ, въ какой мѣрѣ способствуютъ страны и народы государственной жизни и общественному благу?)

Рѣшеніе этихъ вопросовъ не такъ легко: есть страны, необитаемыя никѣмъ, слѣдовательно вольныя; есть народы, совершенно принадлежащіе, но не владѣющіе землями, какъ должно; есть народы отдѣльные, не выкупающіе заботъ правительства (расходовъ), есть страны, которыхъ уничтоженіе принесло бы болѣе пользы, нежели владѣніе ими.

Россія, слово политически номинальное, заключаетъ подъ своимъ необъятнымъ кровомъ тысячи племенъ. Сильная и славная, она даетъ имъ свое имя, и это имъ служитъ защитою и ручательствомъ, даетъ имъ своего правителя, не ожидая награды за свои дѣйствія; мало по малу благодѣтельное вліяніе принесетъ плоды, племена сдружатся, и номинальная держава сдѣлается дѣйствительною, и попеченія правительства увѣнчаются полнымъ и достойнымъ успѣхомъ.

При Алексѣѣ Россія была необъятна, но каковы были финансовыя средства и административное устройство? Теперь Корякъ и Ярославлянинъ оба Русскіе, но сколько тотъ и другой платятъ подати?

Римской имперіи не было, это названіе существовало только въ лѣтописяхъ. Imperator Romanus или Romalorum нельзя сказать, государи просто назывались цезарь, какъ у Персовъ—царь, βασιλεύς безъ всякаго прилагательнаго; но Императоръ Всероссійскій есть титулъ, употребляемый внѣ и внутри государства, какъ названіе: Россійская Имперія.

Всѣ подвластные Риму народы были старше его въ гражданской и умственной образованности; даже Галлы, Германцы, Бритты имѣли вліяніе на военное устройство Римлянъ. Совсѣмъ другое представляетъ Россія: если исключить наши Остзейскія губерніи, Финляндію и Польское царство, всѣ прочія страны, по гражданственности, ниже Россіянь, всѣ образованы Россіянами: Сибирь, Уральскія земли, Кавказъ, Крымъ, даже Малая и Бѣлая Россія гражданскимъ бытіемъ своимъ обязаны Россіи: только со времени присоединенія ихъ начинается тамъ стройный порядокъ дѣлъ.

Римъ дѣлаеть преобразованія, но изъ корыстныхъ, одностороннихъ видовъ; онъ пилъ кровь изъ своихъ подданныхъ (*subditi*), мѣста начальниковъ продавалъ съ аукціона. Лучшее время настало при первыхъ императорахъ, но провинціи уже не что иное, какъ оброчныя помѣстья, правители—сборщики, а потомъ, при слѣдующихъ государяхъ, провинціи—отдѣльные лагеря, съ военнымъ управленіемъ, съ своими силами, средствами, цѣлями... Посмотрите, какъ долго сохраняется этнографическая самобытность провинцій. Провинціи Рима были безъ права гражданства; уже послѣ, когда это право ничего не значило, они получили его... Въ Россіи совсѣмъ другое, въ Римѣ были *subjecti*, въ Россіи *subditi*.

*

Посреди всѣхъ своихъ собратій-лѣтописцевъ нашъ Несторъ одинъ говоритъ туземною рѣчью: вліяніе Запада, Римскаго двора, не простиралось на Кіевъ. Все это такъ. Но отчего же въ Латинскомъ Западѣ сохранились такъ многіе памятники литературы, поэзіи на языкѣ народномъ, тогда какъ у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, или почти нѣтъ? Мы укажемъ на пѣсни, на сказанія, болшею частію позднѣйшія и то характеризующія нравственныя понятія человѣка, а не вѣкъ, одну личность, а не всѣобщее направленіе; мы такъ бѣдны, что изъ *памятниковъ* ничего не знаемъ (до XV ст.) ни о жизни, ни о занятіяхъ, ни объ устройствѣ; есть отрывистыя извѣстія мѣстныхъ писцовъ, есть неопредѣленные намеки, но большая часть нашего представленія основана на предположеніяхъ, сравненіяхъ а priori.

Вотъ что значитъ жить уединенно, огородиться религіей и языкомъ и имѣть сосѣдями еще грубѣйшихъ народовъ. Но поэзія непременно должна быть поэзія, и если ея нѣтъ, вина въ недостаткѣ письменности, которая у насъ никогда не была такъ распространена, какъ на Западѣ; а впрочемъ можетъ быть и откроють экспедиціи и комиссіи, поиски и изслѣдованія... дай Богъ намъ Иліаду, хоть въ переводѣ Третьяковскаго.

*

Я всегда занимался учеными предметами, чисто-учеными: и поэтому, можетъ быть, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ обыкновенномъ письмѣ не могу найтись въ самой малости. Усвоивъ себѣ предметъ, я способенъ былъ передать его въ томъ смыслѣ и тѣмъ тономъ, какой о немъ имѣю, безъ всякаго отношенія къ лицу, и можетъ быть уроки мои дѣтямъ были иногда выше ихъ понятій. Я бѣденъ искусствомъ, я чувствовалъ самъ, что иногда въ принаровкѣ терялъ ровность, приличіе тона и постепенность въ ходѣ изложенія; я чувствовалъ, что сбивался, иногда мысль опережала слова, иногда нечаянно вырвавшееся слово нарушало принятую методу, и для оправданія этого нечаяннаго, видимо несходственнаго выраженія я восходилъ на другую степень и запутывался... Поправиться въ словахъ не такъ легко какъ поправляется ораторъ въ извѣстной фигурѣ; впадешь въ необузданность, не остановишься и испортишь все, ясность изложенія, достоинство предмета и самое счастливое впечатлѣніе... Въ разговорѣ, чисто-ученомъ, для меня было легче, но и здѣсь нерѣдко впадалъ я въ схоластицизмъ или мистицизмъ. Я неровенъ, я больше чувствую, нежели знаю.

*

При вступленіи моемъ въ Д-ть*) приложеніе моихъ знаній къ моему дѣлу, было повидимому ничтожное; хоть бы ничего не знать—все равно; но развитіе моихъ душевныхъ силъ, общее образованіе, знаніе языка, были для меня чрезвычайно полезны. Я скоро понялъ дѣло, ходъ его и цѣль, но тутъ же на первыхъ порахъ увидѣлъ необходимость учиться дѣловому формальному, обрядному слогу и, что особенно трудно, правительственному тону: это въ правительственномъ Д-тѣ. Что я бы сталъ дѣлать, не будучи переписчикомъ въ Комитетъ Министровъ? Формы, условенныя выраженія (весьма необходимыя) я выучилъ скоро, но вставить въ эти формы сущестъо дѣла, справку, мнѣніе, но умѣстить въ эти формы, положимъ, два предложенія разнородныя, было не легко, было наукой; это формы. Труднѣйшимъ пунктомъ былъ тонъ: я сбивался или принимая Д-ть за лице, дѣло казенное за частное, и позволялъ себѣ предполагать въ лицѣ чувство, сердце, могущее сердиться и участвовать въ дѣлѣ, какъ въ частномъ, распоряженія произвольныя, не ограниченныя никакими формами, лишь выгоднымъ и прекраснымъ исполненіемъ. Я думалъ имѣть дѣло съ людьми и идеями, я никакъ не вѣрилъ однимъ вещамъ и формамъ. Съ перваго раза колегіальность, что шагъ, то актъ, то бумага, меня удивили, и я по неопытности думалъ, что это принадлежитъ юности и что со време-

*) Въ Департаментъ (Министерства Юстиціи).

немъ вся эта строгая формальность уступить мѣсто дѣйствию болѣе свободному и независимому (я и теперь отъ этого не прочь, да не въ наши дни, а черезъ нѣсколько лѣтъ); я отчаявался, что буду имѣть случай употребить въ дѣло свое умѣнье, котораго кто же въ себѣ не предполагаетъ? Я думалъ, что вѣкъ буду подъ тяжестью формъ, при спискахъ съ старыхъ дѣлъ.

Наконецъ я сталъ писать бумаги, и ни одинъ писарь не писалъ такъ дурно! То что въ сношеніяхъ съ лицомъ было бы умѣстно, то здѣсь, при формахъ, чрезвычайно пестро и неловко. Я кинулъ все, взялъ старое, старался только выкидывать пустошное и иногда выпускалъ довольно важныя обстоятельства, а писалъ такъ дурно, какъ формальный подъячій... Подъяческій слогъ состоитъ въ *неопредѣленности*, сдѣлай такъ или сякъ; но сдѣлаешь ты хорошо, это дѣло къ предписанію; сдѣлаешь дурно, тамъ тебя предостерегали: пиши такъ, чтобы бумага прилагалась ко всѣмъ, хорошимъ исполненіямъ, чтобы въ общихъ словахъ они представляли всѣ возможныя средства, и эти бумаги идутъ изъ года въ годъ послѣдственно, нарастаютъ только общія выраженія, хотя въ самомъ дѣлѣ есть много фактовъ, которые необходимо должно бы было поставить на видъ предводителю....

Мое начальство поступало со мной снисходительно: оно не называло мнѣ мои несообразности и должное. Нельзя сказать, чтобы эти причины не огорчали самолюбія, но я замѣчу для себя, что сознаніе всегда было во мнѣ; если ни въ первую минуту, то черезъ часъ, я передѣлывалъ бумагу, и она шла въ ходъ. Впрочемъ не всегда я былъ виноватъ. Главное—въ тонѣ. Я никакъ сперва не могъ отдѣлать личности отъ мѣста.

*

Въ нашихъ курсахъ словесности страницы двѣ посвящаются дѣловому слогу, но я не знаю какъ нѣтъ курса дѣловой словесности, которая во сто разъ нужнѣе всѣхъ пошлостей нашихъ теорій. Я не знаю, какъ при Русскомъ правовѣдѣніи нѣтъ формы ученія, не тѣхъ практическихъ занятій, которыя дѣлалъ покойный Н. Н. Сануновъ, но формоученія теоретическаго, которое непременно будетъ стройно съ первой поры своей, потому что стройно учрежденіе нашего правленія. Если не достааетъ ума составить философическую теорію à priori, то пусть раздѣлять такъ: часть государственная, часть губернская, часть уѣздная. Въ государственной, по отдѣламъ; бумаги Государя, Совѣта, Комитета Министровъ, Департамента и проч. Но есть начала вѣрнѣйшія, условія болѣе существенныя. 1. Правительственное лице

и правительственное мѣсто. 2. Дѣло обнимающее всю Имперію или часть ея. 3. Дѣло новое, дѣло обновляемое, дѣло повторяемое. 4. Инстанція лицъ и мѣстъ. 4. Образъ дѣла: излагательный, обсудительный и заключительный. Отсюда легко будетъ вывести слѣдующія формы: а) Манифестъ, дарственная грамота сословію, рескриптъ. б) Указъ. в) Предписаніе, предложеніе, запросъ, требованіе, приказъ. г) Донесеніе, Записка (докладная) и Мнѣніе. д) Отношеніе, сообщеніе, запросъ, вѣдѣніе е) Положеніе, уставъ, учрежденіе (къ мѣсту или ж) Инструкція (лицамъ) з) Циркуляръ.... Я такъ смѣшалъ все, что нашель самую плохую теорію. Книга М. Л. Магницкаго положила начало, которое можно усовершенствовать.... Мнѣ мерещутся категоріи....

*

Не слишкомъ ли скоро назвали крестовые походы слѣдствіемъ легковѣрія и невѣжества? Робертсонъ и Гердеръ, какъ судьи, не правы. Я не знаю, всталъ-ли бы кто въ наше время отъ ополченія противъ невѣрныхъ, если бы могущество и отношенія Турковъ были инаковы, если бы голосъ папы былъ силенъ, если бы, просто, произошло ополченіе. Кромѣ религіознаго чувства, которое въ насъ слабѣе нежели въ XI и XII столѣтіяхъ, кромѣ славы, любопытства, дѣятельности, одно воззваніе, торжественное и громкое, воззваніе къ освобожденію гроба Спасителя, невольнo принимается душою и заставляетъ забыть другое для дражайшаго, святыхъ обязанности семейства для святѣйшаго, плотское для духовнаго, міръ для Спасителя міра. Попробуйте сдѣлать это воззваніе, и крестовые походы повторятся, но это не будетъ уже то разнородное скопище бродягъ и вѣнценосцевъ, отшельниковъ и разбойниковъ, которые кормились опустошеніемъ, ограждались смертью, выкупались вѣроломствомъ; теперь явится ополченіе стройное, обезпеченное съ увѣренностію на силу, а не на чудо съ цѣлью—Св. Гроба, а не убійства невѣрныхъ...

Крестовые походы по замыслу и по слѣдствіямъ не заслуживаютъ такихъ упрековъ, какими подвергаютъ ихъ Робертсонъ и Гердеръ. То вспыхнувшее религіозное чувство, которое указало человѣку настоящее его значеніе, то направленіе, которое получило отъ сего чувства молодое рыцарство, то братство крестоносцевъ, которое было не только въ понятіяхъ, но въ самой дѣйствительности, братство родившее впервые мысль о человѣчествѣ какъ приложеніе христіанства къ свѣту, наконецъ тысячи чувствъ ощущеній, знаній, опытовъ,—все это неужели не достойно никакого вниманія?

Я вѣрить не хочу, чтобы крестовые походы были слѣдствіемъ личныхъ видовъ Папы. Папа ни въ какомъ случаѣ не выигрывалъ,

напротивъ тратился, подрывалъ собственные доходы, даже собственное мнѣніе; я не могу вѣрить, чтобы это было глупое, инстинктивное влеченіе. Говорить, что Папа произвелъ Крестные походы, тоже что Лютеръ произвелъ революцію. Напротивъ, я вижу въ этомъ огнѣ, въ этомъ рвеніи чистѣйшее религиозное чувство, побужденіе сильное и безсмертное, цѣль высокую и прекраснѣйшую. Папа далъ средства, но средства мірскія. Первый походъ Герфрида есть истинно святое полчище, одушевленное святымъ обѣтомъ, осѣненное крестомъ и ликомъ архангела: онъ удался. Далѣе начинаются походы для другихъ, второстепенныхъ цѣлей: для искупленія своихъ грѣховъ, для пріобрѣтенія права свободы, или другихъ какихъ, для рыцарской потѣхи, часто по глупости; но первый походъ и частію второй—не легковѣріе, не невѣжество; такой походъ возможенъ въ наше время. Я первый готовъ терпѣть всѣ нужды, всѣ препятствія, лишь бы преклонить колѣно предъ гробомъ Христа и возвратить это святилище христіанскихъ преданій, вѣрованныхъ и ученій настоящимъ владѣтелямъ.

Я нѣсколько разъ говорилъ о неприличіи судить и приговаривать въ Исторіи: иногда одно искаженіе доводовъ, одна краснорѣчивая строчка увлечетъ молодое вниманіе. Я до сихъ поръ не читалъ хорошаго начертанія Крестныхъ походовъ; вездѣ они какъ снѣгъ на голову, по Папскому слову, которое было сказано *насильно*, которое было такъ сказать освященіемъ общаго мнѣнія, выраженіемъ общаго желанія. Рѣчь Урбана слышали десятеро, а не вся Европа. Его, можетъ, не имѣли и тѣ десятеро, которые слышали. Кому приказать, кто въ правѣ, кто можетъ однимъ словомъ спасти или погибнуть на вѣки? Папа. Папа долженъ былъ и утвердить народную волю, ибо безъ папы народъ не рѣшался вѣрить ни въ дурное, ни въ хорошее.

Состояніе тогдашняго общества понятно и безъ всякихъ разсужденій, если вы два или три факта сумѣете выбрать къ мѣсту; а то посмотрите, какъ близорукъ Гердеръ (часть II, книга 20, глава III). Здѣсь всего яснѣе, что у почтеннаго философа дозволяются всякія вставки и выпуски, pro и contra. Здѣсь къ случаю я замѣчу, что II часть Гердера полезнѣе первой; но въ ней уже нѣтъ той свободы, иногда глубины мысли, которою отличается общая часть, первый томъ его творенія. Вообще, сочиненіе это чрезвычайно рано задумано. Гердеръ болѣе предчувствовалъ и предугадывалъ.

*

Одно изъ превосходнѣйшихъ учрежденій Имперіи есть Комитетъ Министровъ. Надобно прочесть два или три важныя дѣла Комитета,

чтобы видѣть пользу и вліяніе его на правильнѣйшій ходъ управленія и подробнѣйшее развитіе отношеній и назначеній. Лучшей службы, по моему мнѣнію, нѣтъ нигдѣ, какъ быть управляющимъ дѣлами Комитета; но едва-ли можно хорошо приготовиться на этотъ постъ, если его не ограничивать одной бумажной работой. Онъ слишкомъ обширенъ.

*

Если въ древнемъ мірѣ взорамъ испытателя представляется разнообразіе формъ, самобытность (оригинальность) и полнота снхъ формъ, то нельзя, однако, не видѣть уединенія, разъединенія древнихъ обществъ, отдѣльности, особенности ихъ бытія и однообразія въ ихъ развитіи. Образованность древняго міра была мѣстная, соприкосновенія начались въ дряхлѣющемъ возрастѣ, подъ конецъ, и какое соприкосновеніе? Нашествіе разнородныхъ полчищъ, соединенныхъ наймомъ, война, грабежъ. Какъ прозелиты, какъ пилигриммы, плаваютъ у береговъ корабли и караваны Филипійскіе и Карфагенскіе, плаваютъ скрытно, хитро, единственно изъ выгодъ мелкой торговли, привозятъ обманъ, мѣняють забавы на благосостояніе и, поощряя невѣжество, налагають на всю землю запрещеніе подъ опасеніемъ смерти!

Одна только давность времени, обольщая насъ оптически, представляетъ древній міръ въ томъ свѣтѣ, въ которомъ видитъ его напряженное вниманіе изслѣдователя. Сколько мифическихъ сказаній, толкованныхъ и перетолкованныхъ добродотною ученостью, пріобрѣли достоинство событій, сколько предположеній, намековъ, передаваемыхъ и распространяемыхъ разбирателями и судьями, окоренились и превратились въ факты, сколько дѣтское удивленіе среднихъ вѣковъ къ мудрой древности утвердило пристрастное воззрѣніе на классическій міръ и сдѣлало его для себя и для позднѣйшаго потомства главнѣйшимъ, единственнымъ предметомъ изученія, примѣромъ, образцомъ, канономъ жизни и мысли, письменности и гражданскаго устройства! Преимущество изученія Исторіи не принадлежитъ ни одному вѣку, ни одному народу: она должна быть изучаема въ общности, безъ исключеній; но если принимать ее въ одностороннемъ, прикладномъ, значеніи, какъ школу нрава, права, нравственности и гражданскаго постановленія, если дѣлать изъ науки средство, орудіе, конечно благородное: то древность всего менѣе, менѣе среднихъ вѣковъ, соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Вглядысь пристально въ существо жизни древняго міра, нельзя не признать, что начала оной совершенно противоположны съ нашей: мѣстная образованность, выработанная обстоятельствами, враждующая съ наукою, отсутствіе идеи челоуѣчества, идеи всемірнаго Бога, идеальной религіи и господство личности, господство частности, господство формы и обрядовъ, исключительное гражданское общество

и униженіе женскаго пола и всѣхъ домоводныхъ занятій, эгоизмъ демагоговъ и цѣлыхъ обществъ, подчиненіе духовнаго умственнаго практическому гражданскому, пренебреженіе воспитанія и людкости,— что тутъ образцоваго для нашего времени, гдѣ тутъ школа нравственности, на чемъ основано безусловное преимущество? Нѣтъ человѣка, есть гражданинъ, нѣтъ общества, есть площадь, нѣтъ жены—есть раба, нѣтъ хозяйства, есть угнетеніе и насиліе, нѣтъ религіи, есть вѣщанія и обряды, нѣтъ искупленія, есть судьба, нѣтъ христіанства, нѣтъ духовной благодати, нѣтъ Бога...

Напротивъ для Исторіи въ такомъ прикладномъ значеніи Средніе вѣка гораздо важнѣе, какъ начала и основа бытія нашего, какъ наше зарожденіе, въ которомъ еще видимы, еще ощутительны стихіи христіанскаго, нашего міра.

Столько вѣковъ, столько головъ писали и изучали, украшали и искажали древнее человѣчество; мудрено ли, что и въ наше время обращаютъ на него преимущественное вниманіе? Въ самомъ же дѣлѣ, понятіе о жизни древнихъ для насъ такъ чуждо, такъ трудно, что для приблизительнаго, гадательнаго знанія надобно всю жизнь провести въ любовномъ, неотступномъ чтеніи древней письменности, въ созерцаніи древнихъ памятниковъ, въ отчужденіи современности, въ катакомбахъ, въ архивахъ. Нѣтъ ни одной книги, въ которой бы не упоминалось о древнихъ; но одинъ изъ ста говоритъ объ нихъ по убѣжденію, одинъ изъ милліона имѣетъ основательное понятіе и, можетъ быть, ни одного, который бы обнялъ въ кругу своихъ занятій и тѣ остатки, какіе пощадило для насъ время, остатки, неполные, переломанные, приправленные, нечистые, смѣшенные изъ лжи и правды.

*

Напротивъ, знаніе Среднихъ вѣковъ явилось недавно, еще юное, безъ мудрствованій, безъ предразсудковъ и предубѣжденій, знаніе, едва возраждающееся, непочатое, прежде пренебрегаемое и, слѣдовательно оставшееся безъ умышеннаго и неумышеннаго искаженія, знаніе родное, живое, продолжающееся въ самой дѣйствительности, можетъ быть, до настоящаго дня. Одинъ взглядъ Шлегеля, одна страница Лудена, одинъ романъ Вальтеръ-Скота сколь представляетъ предметовъ глубочайшаго назидательнаго изученія? А этотъ сборникъ народныхъ преданій, а этотъ свитокъ старыхъ хартій? Они полны ученія и дѣлъ намъ кровныхъ, они притягиваютъ вниманіе ваше, какъ ваше достоиніе, въ нихъ буквы, мысли, дѣла тѣ самыя, которыя вчера образовались вполнѣ, исполнились, возродились, въ нихъ имена, фамиліи существующаго семейства, въ нихъ жизнь, продолжающаяся нашимъ

поколѣніемъ, въ нихъ наше вчера, наши дни юности, и мало этого! въ нихъ человѣчество, а не Греція, въ нихъ христіанство, исключяющее всякое мѣстное содѣйствіе, въ нихъ всеобщность, міръ, а не берега Средиземнаго моря.

Черпайте знаніе древности изъ непосредственныхъ, первыхъ источниковъ, познавайте Средніе вѣка изъ грамотъ и поэзіи, но отриньте всѣ толки комментаторовъ на классическихъ писателей и не вѣрьте лѣтописцамъ, дивящимся Римской образованности.

*

За очарованіемъ слѣдуетъ разочарованіе, за страстью—холодность, за горячкой—лихорадка. В. Гюго отказывается отъ романтизма, В. Гюго находитъ въ народности протонародность, В. Гюго признаетъ начала и правила; онъ пренебрегаетъ современностью, онъ отвергаетъ мелочность обыкновенной жизни. Если это правда, то очень жаль, что мои чтенія о словесности, мое опроверженіе романтизма, мое опредѣленіе народности, мое „стремленіе въ высшему, всеобщему въ поэзіи“ и, наконецъ, „характеры Шекспира родовые или видовые“, „завязки драмъ Шекспира и Шиллера“ не были опубликованы въ свое время, когда мы слушали ихъ въ дружеской бесѣдѣ съ А. и на вечерахъ княгини Е. С. Гагариной и Б. В. Голицына, очень жаль! Но неужели это таки сбывается, оправдывается? Я боялся тогда за свои мнѣнія, я считалъ ихъ оригинальною новостью. Теперь я поздравляю! Но это не похоже на Гюго.

Возможность эпоса въ наше время, кажется, совершенно отвергнута: до сихъ поръ не явилось ни одной поэмы, достойной сего названія. Байронъ отказывается; кто же осмѣлится послѣ творца Донъ-Жуана и Чайльдъ-Гарольда? Итакъ, предположеніе Монтескье вѣрно, оправдано. Но почему же? Не потому ли, что исчезла вѣра въ чудесное и нѣтъ махины эпическому событію? Нѣтъ Олимпа,—это правда, но есть Богъ и чудеса Божіи. Неужели религіозное чувство изсякло и нѣтъ вѣры въ *чудеса* силы, правды и благодати? И самые романы, не эпопеи ли? Другой тонъ, нѣтъ ни „пою“, ни призванія, писаны прозою, много мелочей, много не поэтическаго, не идеальнаго, но все это второстепенныя обстоятельства. Эпопея можетъ существовать со всѣми махинами, со всѣми чудесами; не говорю о чистой Исторіи, напри- мѣръ, герцоги Бургундскіе, Венеція, Іоаннъ Грозный; укажу на оперы: при всей простотѣ и грубости содержанія иногда чувствуешь боязнь, вѣришь чародѣйству, слышишь адскую тревогу; укажу на самое естественное и народное явленіе: спасеніе отъ вѣры, преданность предразсудку, исполненіе предчувствія. А Исторія, развѣ не эпопея? Возьмите

папство: здѣсь рожденіе, завязка, борьба, торжество, паденіе; а Крестовые походы, а Колумбъ, Лютеръ,—а этотъ Наполеонъ, которому наши потомки не повѣрятъ?

До сихъ поръ говорилъ мнѣ полк. А. Θ. Мосоловъ, до сихъ поръ гремѣть въ ушахъ моихъ слова строгаго, но разсудительнаго и умнѣйшаго отца моего, когда я изъ Семеновцевъ былъ переведенъ въ армію: „Я зналъ, до чего можетъ дойти гордая молодежь, когда ей дадутъ свободу. Ты сбился съ дороги. Если душа твоя чиста, ты еще можешь поправить свою участь. Благородный и образованный, ты долженъ приняться за службу съ страстью, съ постоянствомъ и убѣжденіемъ.... Тогда припомни слова отца“. Полк. Мосоловъ одинъ изъ образцовыхъ людей по службѣ. „Моя жестокая любовница“, говоритъ онъ обыкновенно о своей службѣ...

* .

Нѣтъ ничего пагубнѣе для науки, какъ умышенное принаравленіе ея началъ къ дѣйствительному порядку общества. Она теряетъ тогда свое достоинство и мѣняетъ съ обществомъ свое высшее значеніе; тогда жизнь дѣлается правиломъ, а наука толковательницею этого правила. Особенно должно разумѣть это о наукахъ отвлеченныхъ и Исторіи. Когда философія боролась съ принятыми формами, общество, какъ посредникъ, могло быть свидѣтелемъ и цѣнителемъ, могло извлекать пользу, видя недостатки. Когда наука представляетъ высшій порядокъ вещей, *идеаль дѣйствительной жизни*, польза ея для себя и для общества не столь чувствительна, за то прочна и обширна.

Иной говорить: „я намѣренъ примирить религію съ философіей“; другой: „я намѣренъ подтвердить настоящее состояніе теоретически“: это вѣрный знакъ софистики.

Въ человѣческомъ тѣлѣ есть центръ, къ которому сходятся всѣ жизненные силы. Я это чувствую. Вся физическая система сосредоточивается въ немъ. Блаженъ хранящій цѣломудріе!

Если вы встрѣтите человѣка съ болѣзненными глазами, съ лицомъ осунувшимся, безъ яркаго румянца, руки морщиноватыя, всѣ члены зыбкіе, волосы рѣдкіе и къ этому еще осторожность въ пищѣ, постоянное утомленіе, дохлый голосъ, затхлый духъ изъ рта, нетвердость походки, одышка, неправильность взгляда, непослушаніе языка, съ характеромъ запальчивымъ, раздражительнымъ, нетвердымъ и непостояннымъ... Это сладострастные. Можетъ быть; онъ уже и раскаивается, что зашелъ такъ далеко, можетъ быть, онъ уже дѣлаетъ сильныя напряженія къ противодѣйствию... но поздно! Ребенокъ проситъ

книгу, просить тысячи, нельзя же удовольствоваться его игрушкой или мелочью.

*

Я о бракѣ думаю юридически. Бракъ есть соединеніе одинаковыхъ особъ на неразрывное сожителство. Соединеніе тѣлесное, гражданское и духовное, предполагающее общность взаимной отвѣтственности и имущества. Одинаковость опредѣляется: по возрасту, государственному или общественному состоянію и по нравственному образованію.

Бракъ непременно долженъ быть равный.

При этихъ условіяхъ поводы къ разводу будутъ рѣже и слѣдовательно въ законъ входить не должны.

Все это—бракъ по закону. Бракъ по политическимъ видамъ можетъ допустить слѣдующія изыятія изъ общихъ правилъ:

1. Бѣдный на бѣдной не женится.
2. Родные во второй и третьей степени могутъ жениться.
3. Для брака долженъ быть опредѣленъ возрастъ и состояніе или способы. Бракъ не есть дѣло домашнее, но гражданское и даже политическое или государственное.

*

Я веду жизнь прозябательную: служу, ѣмъ, гуляю и сплю. За то, никуда не гожусь.

*

Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на расположеніе души какъ музыка: есть какая-то тайная гармонія между звуками и религіозными чувствами. Я не говорю о концертахъ, тѣмъ менѣе объ операхъ. Надобно быть слишкомъ предану музыкальному искусству, слишкомъ отчуждену отъ свѣта, чтобы душевно наслаждаться и чувствовать смыслъ звуковъ на сценѣ; надобно твердо знать, что играютъ и при каждой мелодіи имѣть опредѣленное понятіе, чтобы вполне предаться оркестру. Я говорю о музыкѣ домашней, одинокой, уединенной. Она истинно голосъ души, чистой, смиренной, довольной. Случится ли горестъ или радость, самые обыкновенные звуки западаютъ глубоко въ сердце. Радость и горе, буйныя и безнадежныя, умиряются, уравниваются, очищаются. Это всякому извѣстно. Случится, что голова полна прозаическими мыслями, или пуста, страдаетъ, мечтаетъ, лѣнится, дурачится; возьмите аккордъ, простой, обыкновенный: душа откликнется на этотъ аккордъ, она забудется. Играйте, играйте пѣсни, фантазіи, романсы, концертъ—душа васъ слушаетъ. Ей пріятно разгадывать непонятные звуки, она слышитъ въ нихъ небесное пѣніе, хвалебный гласъ. Когда Христосъ возносился на небо, силы небесныя встрѣчали Его святою

пѣснію; на небѣ сонмы херувимовъ и серафимовъ славили Божіе имя. Мы, люди, стоявшіе на землѣ, слышали эти божественные звуки, не слыша словъ. Это—музыка.

Она можетъ вдохнуть храбрость, любовь, боязнь, грусть, радость, ужасъ, но никакая музыка не можетъ возродить никакого порочнаго порыва, тѣмъ еще менѣе непріятнаго, звѣрскаго чувства. Я понимаю басню объ Орфеѣ; я вѣрю Гуфланду, но думаю, что такая впечатлительность есть болѣзнь.

*

Мнѣ кажется, что точно есть люди геніальные.

Я читалъ свою драму „Русская Иностранка“, въ которой мнѣ искусство не было главнымъ, а просто предлогомъ: мнѣ хотѣлось польстить современному ужасомъ Жидовскаго мщенія и Русскимъ характеромъ въ противоположность иностранному. Драма—какъ говорятъ обыкновенно авторы—драма плоха, но ее слушали (24 Марта) двѣ дамы весьма для меня замѣчательныя, особенно въ этомъ случаѣ княгиня К. С. Гагарина. Кто ее не знаетъ лично, а только по слуху, тотъ ее не знаетъ.

*

Я гдѣ-то говорилъ о государственномъ единствѣ. Оно должно служить главнымъ основаніемъ административнаго раздѣленія государства. Однихъ географическихъ условій не достаточно, надобно непременно обращать вниманіе на историческія и этнографическія, не потому, что симъ будетъ сохранено единство, но и потому, что единство этнографическихъ и историческихъ свойствъ тѣсно связано съ общностью администраціи, которая въ однородныхъ, общихъ элементахъ отправляется и съ болѣшимъ удобствомъ, и къ вѣрнѣйшему достиженію.

*

Раздача пенсій заслуженнымъ есть одно изъ благотворительныхъ воздаяній, оказываемое государствомъ сынамъ своимъ. Но пенсія службѣ похожа на дань Исторіи. Можно всё государственные доходы отдать въ пенсіяхъ. Государство воздаетъ за дѣйствительную службу, награждаетъ по мѣрѣ пользы, ему принесенныхъ. При опредѣленіи пенсій должно имѣть въ виду число лѣтъ и степень мѣста. Мнѣ кажется, пенсіи должны собираться изъ жалованья служащихъ и даваться за всякое время, по числу сдѣланнаго вычета. Нынѣшнія пенсіи чрезвычайно недостаточны. Вычисляйте больше, но и давайте больше. Вообще классъ чиновниковъ въ плохомъ положеніи. Не надобно забывать, что въ Россіи чиновникъ не наемникъ, а слуга. Онъ долженъ быть обезпеченъ даже потому, что онъ награждается чинами и орденами. Или конституція (народъ) или управленіе (чиновники).

Указы 1834 г. Іюня 25 и 1835 Ноября 20 опредѣляютъ классы мѣстъ и сроки производить въ классы, по различію образованія служащихъ. Важность этихъ указовъ чрезвычайна. Это почувствуютъ скоро, лѣтъ черезъ 10; это чувствуемъ даже мы, служащіе подъ сими указами.

Но занятіе мѣстъ, условленное правомъ класса, соразмѣрено-ли съ срокомъ происхожденія и одинаково ли должно быть право класса одного вѣдомства во всѣхъ вѣдомствахъ? Докторъ медицины можетъ ли быть признанъ безъ экзамена докторомъ всѣхъ наукъ, начальникъ отдѣленія въ № министерствѣ можетъ ли занять это же мѣсто въ другомъ министерствѣ?

Занятіе мѣстъ, я не перестану говорить, есть важное дѣло. Право, оно не должно предоставляться произволу правителей. Занятіе мѣстъ должно быть строго-іерархическимъ. Я говорю о судномъ и административномъ порядкѣ. Геніальныя способности—которыя обыкновенно приводятъ въ возраженіе—служатъ только предлогомъ къ тысячи злоупотребленій. Они могутъ быть употреблены въ дѣло и безъ назойливыхъ скачковъ и безъ преждевременныхъ наградъ. Право, это важное дѣло. Не равняйте насъ съ чужестранцами: мы получаемъ чины и кресты, а съ чинами и крестами у насъ связаны важныя, существенныя преимущества.

*

Я прочелъ нѣсколько страницъ изъ Конисскаго. Я ожидалъ большаго. Положительныя познанія общества, исторіи и основной нравственности весьма обыкновенны. Въ проповѣдяхъ я не встрѣтилъ ни одной замѣчательной глубокой мысли; я по слухамъ ожидалъ отъ него гораздо болѣе. Завтра мнѣ обѣщались принести рукопись его Исторіи Малороссіи, но я не думаю, чтобы онъ былъ хотя хорошимъ лѣтописцемъ*); изъ всего мною прочитаннаго не замѣтилъ я тѣни понятія о жизни человѣка, о существѣ общества, о развитіи человѣчества въ цѣломъ. Дай Богъ, чтобы я обманулся.

*

Мнѣ кажется въ нѣкоторыхъ описаніяхъ свѣтскихъ сценъ упущень изъ виду дипломатическій тонъ и та шутиливость, которая сейчасъ готова обратить важный разговоръ, важное дѣло въ забаву, а забаву въ важное дѣло. Видите ли вы нѣжныхъ или злыхъ супруговъ высшаго круга, лучшаго общества, ихъ сердечное изліяніе, ихъ горь-

*) Много позднѣе окончательно дознано и доказано Г. О. Карповымъ, что „Исторія Малороссіи“ есть поддѣлка, сочиненная въ Безбородкинскои канцеляріи и приписанная архіепископу Могилевскому Георгію Конисскому. П. Б.

кое объясненіе имѣють свои формы, свои выраженія. Опредѣлительность, рѣзкость, полная искренность, нагая истина возможна только въ дѣтяхъ; а свѣтская женщина, будь она въ 17 лѣтъ, такъ много говорила, слышала, что привычки ея и въ юномъ возрастѣ тверды и крѣпки, какъ предразсудки въ старости. Дипломатическій тонъ есть элементъ свѣтской бесѣды, откровенная шутка въ серьезномъ дѣлѣ есть ея правило. Дѣло другое—сельскіе жители, скромныя семейства, родительскія узы, семейное бѣдствіе.

*

Я заставилъ ее разочароваться. На что это похоже? Она задумала объ идеалахъ, о любви внѣ условій, о дружбѣ, о короткости безъ вниманія къ требованію общества. Какъ легко зайти за грань принятыхъ обычаевъ, если мы взрослые внѣ этихъ обычаевъ, и если теперь ихъ господство кажется намъ новымъ, незаконнымъ, страшнымъ! Она просто разлюбитъ меня. Тогда я встану на ногу пріятеля и не буду сбиваться при другихъ, какъ сказать—ты или вы, поцѣловать въ щеку или руку, отвѣчать или молчать. Женщины всегда впереди мужчинъ. Скороспѣлки! Желалъ бы я знать, что она думаетъ о моемъ измѣненіи.

*

Мнѣ не удалось съѣздить въ Москву. Я этого не предвидѣлъ, не предугадывалъ, не предчувствовалъ. Однако это такъ! А отъ сколькихъ надеждъ долженъ я поэтому отказаться?

Я получилъ журналъ Пушкина „Современникъ“. И стоило ждать его три мѣсяца?

Онъ хотѣлъ быть оппозиціей монополіи Греча и Сенковскаго.

*

„Сына Отечества“ онъ превзойдетъ; его литературное слово всегда будетъ сильнѣе словъ Греча и Булгарина; но чтобы встать противъ Сенковскаго, надобно имѣть побольше средствъ и побольше обдуманности. Что такое 1-й № „Современника?“ Кое-какіе стишки, кое-какія статейки, кое-какія повѣсти, кой-какіе разборы. Замѣчательнаго только „Риѐма“ б. Розена и о „Журналистикѣ“ самого издателя, да развѣ еще учебный разборъ Антуаіг'а Парижскаго. Что хочетъ сказать издатель? Коротенько описать журнальную дѣятельность, въ общихъ, всему Божьему міру извѣстныхъ, фразахъ? Немного же. И онъ думаетъ остановить безличное направленіе нашей литературы! Не такъ должно было приниматься за дѣло; не шуточно-литературный, не просто-литературный долженъ быть „Современникъ“. Наше время повыше этого. Онъ долженъ быть литературно-ученый. Нынче учености не боятся и дамы. Къ чему этотъ тонъ домашняго разговора? Не бойтесь,

г. издатель, мы васъ поймемъ и въ дидактической формѣ. Мы не желаемъ односторонности журнальнаго ученія; мы, напротивъ, просимъ многосторонности. Изъ журналовъ не учатся, ими повторяютъ и развиваютъ собственное мнѣніе, сужденіе, знаніе. Кто бы не согласился быть сотрудникомъ Пушкину? Издатель долженъ бы былъ взять во вниманіе, что журналъ литературно-ученый имѣетъ двѣ части: общую—искусство и теорію, и частную: критику и библіографію. Издатель долженъ бы былъ знать, что начало всегда должно быть положительное: мало сказать, что-то другое не хорошо, надобно показать хорошее. А онъ началъ свое ученіе критикой, и какой критикой! Скромненькой, боязливой, неопредѣленной, несвязной, ничего не значущей. Итъ, здѣсь надобно побольше положительныхъ свѣдѣній, побольше теорій, побольше выразительности. Странное дѣло! Пушкинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, и пишетъ критики и библіографіи. Критика—элементъ отрицательный, вашъ талантъ—положительный. Зачѣмъ вы пренебрегли этимъ? Посмотрите: чтѣ вы помѣстили въ 1 №? Повѣсти г. Гоголя: ну можно-ли помѣщать такія повѣсти? Путешествіе въ Арзрумъ; ну не совѣстно-ли занять половину книги почтовымъ дорожникомъ? Библіографія: намъ ужасно интересны упомянутыя тамъ книги; говоря о Погодинѣ, вы не сумѣли оцѣнить даже сочиненій своего пріятеля.

Посмотримъ на способы издателя. Онъ самъ—неизчерпаемый источникъ. Если чувствуетъ, что поэтическій жаръ остылъ и стихъ непослушенъ, ему остается два дѣла въ первой части журнала: отдать намъ отчетъ въ прежнихъ своихъ твореніяхъ и тѣмъ довершить выраженіе своего лица, какъ поэта, и второе—дать намъ теорію, плохую или хорошую, но всегда для насъ важную, и тѣмъ выразить свой умъ, свою мыслительность основательную. Во второй части ему еще болѣшій кругъ дѣйствія: объяснить намъ нашихъ лучшихъ писателей; онъ хвалится, что знаетъ ихъ; объяснить не такъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Георгіемъ Конисскимъ, а отчетливо, обдуманно. А то г. издатель пришелъ съ прогулки, написалъ статейку о Конисскомъ и думаетъ, что сдѣлалъ много; напротивъ, вы сдѣлали меньше нежели ничего. Въ библіографіи къ чему эти нелитературныя книги? Для полноты,—да онъ не всѣ, и вашъ журналъ не каталогъ. Означайте учено-литературныя книги хотя въ такомъ видѣ, какъ это дѣлалъ П. И. Кенпель, если уже не хотите такъ, какъ это дѣлается въ *Revue de la quinzaine*. А главное, помните, что журналъ, имѣющій притязанія, долженъ быть непремѣнно положительный. Таланту Пушкина мало того, чтобы показывать недостатки, онъ въ состояніи уличить ихъ собственными образцами.

Ошибка состоитъ въ томъ, что авторъ „Полтавы“ и „Бор. Годунова хочеть увѣрить себя и другихъ, что онъ историкъ. Rien moins que cela*). Это совершенно ошибочное мнѣніе. Со временемъ скажу объ этомъ еще подробнѣе.

*

Отчего не проходитъ ни одной ночи, въ которую бы я не видѣлъ пяти, десяти, пятнадцати сновъ! И еще какіе сны? Какіе видятъ непокойный духъ, непокойная совѣсть. Прежде, въ дни моей деревенской жизни, я считалъ иные сны видѣніемъ, даже откровеніемъ; иногда я спѣшилъ ложиться спать и ложился съ тѣмъ, чтобы увидѣть сонъ о томъ предметѣ, который занималъ меня, который я хотѣлъ знать, и нѣсколько разъ мнѣ удавалось видѣть задуманный сонъ, большею частію въ томъ видѣ, въ которомъ я представлялъ его на яву, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—хотя очень рѣдко—совсѣмъ въ противоположномъ видѣ, и сонъ сбывался. Такъ бываетъ время, когда я вѣрю снамъ. Это—грубый предразсудокъ, я знаю; но иногда обстоятельства жизни приводятъ къ вѣрѣ въ предразсудки и повѣрья. Оправданный предразсудокъ есть обновленный залогъ и всегда выше случайности. Какъ мнѣ не вѣрить сбывающемуся сновидѣнію? Но нынче я потерялъ концы. Какъ! Десять сновъ одинъ одного хуже. Почти всегда о такихъ предметахъ, какіе нѣкогда мнѣ приходили въ голову.

*

Вотъ уже второй годъ, какъ померъ кн. В. П. Кочубей. Онъ 21 года былъ д. с. с. и вскорѣ былъ посланникомъ въ Константинополь; 26 лѣтъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, вице-канцлеромъ. Наконецъ достигъ первыхъ степеней гражданскихъ чиновъ. Теперь объ немъ едва помнятъ; тѣ, которые еще не забыли, едва говорятъ: нѣтъ повода помнить, нѣтъ предлога говорить объ немъ. Между тѣмъ нельзя не сказать, что хотя его служба была быстра, достоинства его были положительны: онъ до самой кончины удержалъ за собою сильное вліяніе, расположеніе Государя и свѣдѣнія въ дѣлахъ.

Скоро погаснетъ и память его имени. Отчего? Оттого, что достоинство его было основано на двухъ началахъ: на родственныхъ связяхъ съ Безбородкою и на фамильной знаменитости, и на угодливости людямъ, т. е. на ловкости и познаніи требованій. Была ли въ немъ творческая сила, которая такъ могущественна, что заставляетъ говорить о себѣ всѣхъ? Было ли въ немъ то правдолюбіе, стремленіе къ истинному, которое колетъ глаза всѣмъ и всѣми уважается? Нѣтъ. Онъ думалъ о себѣ: отвязывался отъ безпокойныхъ, удовлетворяя ихъ, и сдерживалъ

*) Это всего менѣе.

таланты, не уважая ихъ. Не ему, а Куракину, мы обязаны за Сперанскаго. Сравните его съ П. И. Шуваловымъ. Шуваловъ живеть: онъ такъ силенъ, что заставляетъ жить съ собою и брата своего И. И.; сравните его съ Макаровымъ, который читаль цыфры и былъ цыфирный геній. Знали князя Кочубея, но знали по мѣсту. В. П. почти никому не былъ извѣстенъ, и за то нѣтъ ему вѣчной памяти.

Ему мы обязаны введеніемъ ревизій посланцами изъ Петербурга и установленіемъ выборныхъ председателей въ судебныхъ палатахъ. Онъ охранялъ права Малороссіи.

*

Забавная случайность! Получивъ новое изданіе Гиббона и Монтескье, я занимался перестановкою книгъ въ моей библіотекѣ. Тогда какъ я перебиралъ Исторію Европы (Герена и Укерта), раздались выстрѣлы. Что такое? Сегодня 28 Іюня 1836 г. ботикъ Петра Великаго перевозили въ Кронштадтъ и стрѣльба, мною слышенная, была при его спускѣ! Я подумалъ: ботикъ Петра Великаго переворотилъ Исторію Европы.

Но погода была дождливая, вѣтренная, самая неблагоприятная для такого знаменательнаго празднества Русскаго флота.

*

Въ 2 № Современника помѣщенъ отрывокъ изъ Записокъ (корнета Александрова) Н. А. Дуровой. Онъ содержитъ бѣглое описаніе 1812 и 1813 г.: Смоленскъ, Москву, Модлинъ, Голштинію. Можно думать, что слогъ „Русской Современницы“ исправленъ опытною рукою. Чтеніе отрывка въ высочайшей степени занимательно.

Вы беретесь за книгу съ предубѣжденіемъ, вы заранѣе исполнены самымъ снисходительнымъ расположеніемъ, а прикованы интересомъ лица къ каждой строчкѣ Записокъ. Точно или мнимо, но вездѣ видна женская душа, прекрасная, чистая, поэтическая, женская душа подъ полетомъ улана, женская нѣжность на военныхъ бивакахъ, женская цѣломудренность въ разгульной бесѣдѣ, женская любезность въ походныхъ нуждахъ и холостыхъ разговорахъ. По одному отрывку я полюбилъ корнета и готовъ расцѣловать его ручки, готовъ идти къ нему въ денщики, въ унтеръ-офицеры, въ солдаты.

Сцены съ Кутузовымъ умилительны юношескою откровенностію корнета и родительскою заботливостію фельдмаршала. Но тамъ гдѣ г-нъ корнетъ отступилъ отъ описанія дѣйствій и высказываетъ свои чувствованія, любовь къ прекрасному сердцу дѣлается дружбою. Особенно понравились мнѣ сцены: подъ Смоленскомъ стр. 78, съ Кутузовымъ—96, подъ Лаишевымъ. Но и въ Голштиніи (122—132) забавны фуражировки, переправа и ночлегъ послѣ контузіи. Прекрасно все. Корнетъ именуется Кутузова и Коновницына. Отчего по пріѣздѣ изъ

Казани, она, корнетъ, не упоминаетъ ни слова о Коновницынѣ, который зналъ ее, какъ самаго исправнаго ординарца.

Не понимаю, почему имена пишутъ одними заглавными буквами, а не такъ, какъ водится нынѣ (стр. 311) въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ. Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ ожидаю выхода всѣхъ Записокъ. Можетъ быть здѣсь я найду женскую душу, и „вторую половину души человѣчества“. Я познакомился потомъ съ г-жею Дуровою и въ депшики къ ней не пойду.

*

Римъ торжествовалъ свое могущество, обливался кровію въ междусобныхъ войнахъ и составлялъ кодексъ управленія всѣмъ міромъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что изъ за Альпъ притекли тучи народовъ, дикія, ужасныя полчища; эти-то разлились по прекраснымъ долинамъ Роны и Рейна и, послѣ явныхъ побѣдъ, сдѣлали предложеніе консулу: „пустъ Римляне уступятъ намъ какую нибудь изъ своихъ провинцій, мы будемъ имъ служить своимъ оружіемъ“. Имъ не дали, ихъ хотѣли побѣдить. „За Альпы, въ Италію“, кричали пришельцы. Они перешли и сошлись съ консулами Манліемъ и Ценіемъ. Битва была рѣшительная. Извѣстіе привело весь Римъ въ оцѣпенѣніе. Тогда явился Марій. Кромѣ его трудно было найти консула. Сила уступила искусству, но сила возьметъ свое. Можно въ одну битву покорить десять царствъ Азіи и въ десять лѣтъ не завоевать, ни побѣдить малочисленнаго племени народа Европейскаго. Съ этихъ поръ до послѣднихъ лѣтъ Траяна Римъ не переставалъ бороться съ Германцами, и наконецъ послѣ превратныхъ судьбъ, то побѣдоносный, то хитрый, то вѣроломный, то мудрый, онъ наконецъ долженъ былъ уступить варварамъ, какъ уступаетъ сила, истощаясь и исчезая въ противодѣйствіи. Сила приняла въ себѣ искусство, искусство не могло принять въ себѣ силу. Этого взаимный обмѣнъ есть одно изъ назидательныхъ явленій Европейской исторіи.

*

Если вы знаете Петербургъ, то совершенно не знаете Россіи. Онъ ей противоположенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Военственный его видъ, строгая дисциплина, служба, искательство, трудная жизнь, занятое общество, присутствіе Государя, дворъ—все это дѣлаетъ Петербургъ нерусскимъ городомъ, гдѣ обыкновенно царствуютъ просторъ, болтовня, довольствіе, жизнь спустя рукава, больше препровожденія чѣмъ занятій, больше разговоровъ чѣмъ дѣла. Центръ и представительница Россіи есть Москва. Въ ней Русская жизнь облагораживается и соединяется съ наукою. Отъ этого,—что ни говорили бѣ о нашей древней столицѣ наши новые мыслители,—Москва имѣетъ сильное вліяніе на образова-

ніе и развитіе нашей жизни. Однимъ словомъ, Москва есть глава оппозиціи Петербурга, слѣдовательно правительства, котораго онъ есть средоточіе и вершина. Странное дѣло! Эти провинціалы, которые такъ просты, такъ малодушны, эти старосвѣтскіе помѣщики живутъ, только тѣмъ и дышутъ, чтобъ судить и рядить о дѣйствіяхъ правительства, о нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, и все это въ невыгодную сторону. Отъ нихъ нельзя ожидать буйныхъ дѣйствій, они сознаются въ своемъ безсиліи, они даже откажутся отъ своего мнѣнія, отъ своего образа мыслей какъ скоро пригрѣетъ ихъ какое нибудь вниманіе или помѣстится подлѣ нихъ голубой мундиръ; но тѣмъ не менѣе масса народа на ихъ сторонѣ. Петербургъ есть колонія, лагерь. Онъ держитъ въ себѣ силу державную, онъ даетъ законы, но онъ комплектуется изъ Москвы. Каждый молодой человѣкъ привозитъ съ собою запасъ новыхъ Московскихъ мнѣній. Онъ ихъ мѣняетъ на Петербургскія, но обманъ не бываетъ полезень. Ученье Петербурга сливается съ Московскимъ, и верхъ беретъ теперь первое, но впоследствии возьметъ то, которое правильнѣе. Если бы сопоставить два поколѣнія: 1825 г. и 1835—разница чрезвычайная! Но 1825 г. юность, молодежь буйная, рыная, философствующая, юность Чацкая. Она хочетъ произвести переворотъ, основываясь на самыхъ гадательныхъ положеніяхъ. Она безпокойна, нетерпѣлива, горда. Сейчасъ оставляетъ службу, повинуется, осуждая, заводитъ дуэли, бредитъ идеалами. Молодежь 1835 г. уже не та: она благонравна, терпѣлива, умна. Она утѣшаетъ себя въ несбывшихся надеждахъ и въ неисполненныхъ желаніяхъ чувствомъ долга, она не волнуется и даже терпитъ, любя порядокъ. Но и въ этой молодежи много прежняго. Главное, что въ ней еще мало утверждено чувство обязанности и признаніе авторитетства. Грядущее поколѣніе (1845 г.) будетъ одно изъ прекрасныхъ, но за то отношенія его измѣнятся, средства достиженія будутъ труднѣе, кругъ расширится, таланты будутъ многочисленнѣе.... Кто знаетъ, не ждетъ ли его историческое время?

Такимъ образомъ правительство наше (присутственныя мѣста и лица) имѣетъ двухъ оппонентовъ. Провинціалы готовы разметать всѣ мѣста по камню, молодежь готова согнать всѣхъ директоровъ и управляющихъ. И этакое расположеніе при государѣ, съ его умомъ, проницательностью, характеромъ, съ его силою и огромными средствами.... Чтò будетъ послѣ него?

*

Я читалъ письмо полковника Чаадаева (1829 г. Декабря 1 день изъ Некрополя), писанное на Французскомъ къ одной дамѣ, княгинѣ Зинаидѣ Волконской и помѣщенное въ переводѣ, въ Телескопѣ 1836 г. Это письмо надѣлало много шуму: журналъ запрещень, цензоръ отста-

влень, авторъ—говорять—долженъ былъ заявить, что писалъ его въ помѣшательствѣ. Толковъ множество всякихъ; какъ бы то ни было, вреда много. Трудно найти № журнала, въ Москвѣ я думаю еще труднѣй. (Запрещеніе у насъ распространяетъ извѣстность и смыслъ). Сочинитель бесѣдуетъ о вліяніи религіи на совершенствованіе общества. Бесѣда происходитъ, кажется, съ иллюминаткой: авторъ почти прямо убѣждаетъ ее надѣтъ лигъ ангельскій и искать отраду, утѣшеніе въ религіозномъ созерцаніи. Догматическая часть письма для дамы темная и отзывается какимъ-то католическимъ ученіемъ. Онъ говоритъ, что исторія религіи составляетъ ея философію и ея догматику.

Все письмо имѣетъ свойство парадокса, какъ напр. невыгодно устанавливать мнѣнія, но мнѣнія порождаютъ выгоды. Много непослѣдовательнаго, много полемическаго и особенно много выходокъ противъ Россіи. Россія есть главное основаніе; религіозное совершенствованіе служило только предлогомъ. Письмо писано на Французскомъ, къ дамѣ, которая вѣроятно по русски ничего не знаетъ. Она—какъ видно изъ нѣкоторыхъ словъ—жаловалась на пустоту Русскихъ обществъ, въ которыхъ, можетъ быть, не играла первой роли, чтѣ при такъ называемомъ религіозномъ направленіи дамы должно быть тайною и главною цѣлью. Письмо писано г. Чаадаевымъ, пріятелемъ генер. Орлова (Михаила) и прочихъ, памятныхъ по своему уму, образованію и подозрѣнію въ 14-мъ Декабрѣ. Это ропотъ на современность, выраженный главою порицателей. Ума въ авторѣ много, мысль нова и опредѣленна, выраженіе увѣренно. Тонъ и послѣдовательность письма не выдержаны; явно, что онъ писалъ въ страстномъ (озлобленномъ) состояніи къ особѣ, которая предварительно согласна съ нимъ въ мнѣніи о Россіи. Вотъ содержаніе письма, сколько я могу припомнить послѣ бѣглаго чтенія. № журнала рвутъ по рукамъ. То, чтѣ у другихъ народовъ правило жизни, принятое всѣми и давно, у насъ есть теорія, положеніе строгое, которое надобно показать и доказать.

Въ самомъ взглядѣ (глазахъ) нашемъ есть что-то холодное, низкое, дикое. Мы дѣлаемъ все кое-какъ, какъ угорѣлые, какъ потерявшіеся. И вездѣ есть потерявшіеся, но тамъ они исключеніе, у насъ общее свойство. Петръ Великій разостлалъ мантию цивилизаціи, но мы не коснулись этой мантии; Александръ провелъ насъ отъ Москвы до Парижа, чрезъ всю Европу, но мы вынесли оттуда одно поверхностное, одно полуобразованіе глупое; въ насъ царствуютъ безпечность, нехотѣніе, отсутствіе энергіи и опытнаго дѣйствованія. Мы имѣемъ недостатки младенчествующихъ народовъ, не владѣя способами образованныхъ. Наша физическая храбрость есть какое-то минутное, неувоенное чувство. Въ крови нашей есть что-то отталкивающее любовь къ совер-

шенствованію, и Русская нація въ книгѣ разумнія составляетъ пробѣль.... и проч.

Авторъ ищетъ причинъ въ Исторіи. Чтобы переименовать, преобразовать насъ, надобно переименовать воспитаніе человѣчества (переименовать исторію міра). Мы какой-то опытъ, который черезъ нѣсколько вѣковъ будетъ назидателенъ для человѣческаго рода, какъ неподвижное, несчастное племя, осужденное Верховнымъ Умомъ на бѣдственную участь. Здѣсь сочинитель, изыскивая причины, дѣлается темнымъ и сбивчивымъ. Главною причиною онъ полагаетъ наше религіозное отчужденіе, отчего мы не приняли участія ни въ какихъ выгодахъ христіанства. Тогда какъ Германія и Латинскія племена составляли одно семейство-христіанство, имѣвшее значеніе и въ публичномъ Европейскомъ правѣ, тогда какъ они въ одинъ часъ молились и праздновали однимъ языкомъ, одни торжества, одного Бога, одинаковыми обрядами, тогда какъ они разработывали наслѣдство, завѣщанное древностью, обобщали и дѣлались братьями между собою, вмѣстѣ внимали булламъ Ватикана, вмѣстѣ шли ко Гробу Спасителя, вмѣстѣ ратовали противъ Папъ, мы, Русскіе, получили идею религіи отъ растлѣнной, презираемой Византіи, отдѣлились чрезъ это отъ человѣчества, лишились всѣхъ выгодъ, предлагаемыхъ прошедшимъ, а чрезъ это и самой будущности, которая есть слѣдствіе прошедшаго.

Не думайте, чтобы я преувеличивалъ, говоритъ сочинитель. Я сказалъ еще слишкомъ мало; а говорятъ, что онъ сознался, будто писалъ письмо въ помѣшательствѣ! Я этому не вѣрю. Если достану, то спишу нѣкоторыя страницы слово въ слово. А между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о запрещеніяхъ.

Что они запрещаютъ? Явись какая нибудь книга, статья, стишонки, не по нраву, не по вкусу нѣкоторыхъ людей, сейчасъ запрещеніе. Чрезъ это: 1) Хорошая и дрянная вещь пріобрѣтаетъ знаменитость, ее ловятъ, добиваются, читаютъ, переписываютъ, затверживаютъ; не будь запрещена она, ея десятая бы доля не знала и не замѣтила, прочитавшіе прочли бы съ равнодушіемъ и не сказали бы объ ней ни слова; 2) Правительство навлекаетъ неудовольствіе за строгость цензуры, за притѣсненіе; за этимъ толки, пересуды, ропоть, чѣмъ запрещеніе суровѣе—тѣмъ ропоть громче; 3) Несчастіе авторовъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, благонамѣренные и добрые люди, дѣлаются неблагонамѣренными и лишаются всякой карьеры. Да и что онѣ запрещаютъ?

Ложь? Не запрещайте, она сама обличится; вы бойтесь ея дѣйствій? Такъ опровергайте, раскритикуйте, скажите правду благородно, прямо, достойно. Истину? Нечего запрещать. Хоть вы учредите заклю-

ченіе, инквизицію и костры,—истина всегда возметъ свое, и чѣмъ больше настраивать лѣсовъ и подпорокъ, тѣмъ появленіе ея надѣлаетъ больше шуму и ломки.

Но скажутъ: истина полезна въ извѣстный періодъ народной жизни. Хорошо. Такъ запрещеніе будетъ имѣть тѣ неудобства, которыя я сказалъ выше; а главное, оно противорѣчитъ собственнымъ видамъ правительства, дѣлая извѣстнымъ и заставляя обращать бѣльшее вниманіе на то, что безъ запрещенія прошло бы тихомолкомъ. Но возражать: не запрети одного, начнутъ постепенно увеличивать свободу, и Богъ знаетъ до чего дойдетъ. О! это другое дѣло. Послѣдовательная цензура—вредна, но предупредительная полезна. Дай потачку цензорамъ, опредѣли хорошенько предѣлы ихъ вниманія и выбирай въ эти обязанности людей достойныхъ. Тогда запрещеніе будетъ предупреждено. А съ напечатанными статьями и книгами я бы совѣтывалъ поступать такъ. Пусть скажутъ автору (да скажутъ люди умные): вы написали то и то, цензура пропустила по неосмотрительности. Правительство, не желая пускать въ оборотъ важное и неприличное, могло бы законфисковать ваше твореніе и предать васъ закону, но оно предполагаетъ въ васъ гражданина благонамѣреннаго и достойнаго, и ваше сочиненіе считаетъ слѣдствіемъ неточнаго понятія предмета, неправильнаго ученія, поспѣшностью молодости. Вы написали вздоръ—вотъ почему вы написали неприличное, вотъ почему извольте опровергнуть самаго себя и заглядить ошибку полюбовно. Авторъ согласится. Ужъ какъ бы онъ ни вертѣлся, но онъ согласится. Если же нѣтъ, то заставьте кого нибудь написать опроверженіе, написать съ толкомъ, по совѣсти, заставьте такого человѣка, который бы имѣлъ довѣріе публики.... а вы запрещаете, и при томъ что запрещаете! Сколько я знаю, сочиненія бѣльшею частію нестоящія запрещенія или незаслуживающія его.

Запрещали—Горе отъ ума: Горе отъ ума слушали наизусть. Напечатали Горе отъ ума—издатель полно выручилъ-ли издержки. Прежде цитаты Чацкаго были произносимы торжественно, какъ апофегмы, теперь они пошлы и повторяются развѣ въ шутку, и то въ провинціяхъ. Запретили сказки Луганскаго (первую часть). Всѣ кинулись за сказки, экземпляры вздорожали. Я досталъ на третій годъ и ничего не помню, что было поразительнаго въ этихъ сказкахъ. Запретили введеніе въ философію Сидонскаго: есть ли десять человѣкъ, которые читали это введеніе? Потомъ разрѣшили продажу, и сочиненіе читаютъ еще менѣе. Запретили Европейца, журналъ, изданіе Кирѣвскаго, за статью о литературѣ, гдѣ въ развитіи теорій найдено было какое-то приложение къ различнымъ системамъ правленія. Я читалъ статью прежде запрещенія. Мнѣ показалась она студенческою диссертациею, гдѣ въ

развитіи теорій изложены ученія и новѣйшихъ мыслителей; но мысли тамъ слѣдуютъ не однѣ изъ другихъ, а однѣ за другими нанизаны, наставлены. Статья могла быть читана, но слегка, какъ легко была обдуманна и написана. Послѣ запрещенія, я еще разъ прочелъ ее, и мнѣ показалось дѣйствительно, что тутъ есть какое-то приложеніе, хотя въ ней всѣ главныя основанія взяты и составляютъ общее достоиніе всѣхъ Германскихъ теорій. Не будь запрещенія, я бы никакъ не подумалъ объ этомъ приложеніи и теперь его совсѣмъ не вижу. Запретили „Телеграфъ“. Это было самое страшное запрещеніе. Давно бы надобно было прекратить это назойливое изданіе, гдѣ вздоръ говорили съ такою дерзостію и гдѣ порицали всякій трудъ, всякое положительное знаніе; но запретить его за критику на драму г. Кукольника, которую я не читалъ и которую, начавъ читать послѣ запрещенія „Телеграфа“, не могъ кончить—этого я до сихъ поръ не понимаю. Между тѣмъ сколько было толковъ, и не они ли способствовали рѣшительному непредставленію драмы, которая безъ этого, можетъ быть, удержалась бы на нѣсколько времени изъ приличія, если это было нужно для правительства? „Телеграфъ“ надобно было убить, но не тѣмъ орудіемъ, которымъ вооруженъ Булгаринъ и помассивнѣе барона Дельвига.

А сколько мелкихъ пьесъ запрещено и потомъ переписанное выучено наизусть! На дняхъ мнѣ давали читать какую-то драму. Ея не пропустила цензура. Я сталъ было читать, но не могъ! Глупое созданіе изъ самой драматической эпохи (Самозванцы) и при томъ такъ скучно, такъ декламаторски! А были люди, которые умоляли дать имъ прочесть эту запрещенную драму. Вотъ что значитъ запрещенный плодъ! Не запрещайте, всѣ откажутся отъ него какъ отъ пошлаго. Запретите людямъ ѣсть на утренней зарѣ куриныя сырыя яйца: завтра же на яйца поднимется цѣна, и завтра же будутъ тысячи человѣкъ переступившихъ это постановленіе. Я не говорю уже о запрещеніи естественнаго, свойственнаго.

*

„Ревизія не меньше, чтò и экономія, и у насъ она только именемъ, а на самомъ дѣлѣ счетовъ никакихъ нѣтъ“, сказано въ указѣ 1827 года. Если исчислить содержаніе контроля, расходы по его дѣйствіямъ и взысканіямъ, то положительно его польза будетъ гораздо менѣе употребляемыхъ для него суммъ, хотя отчеты и вѣдомости гремятъ цифрами. Нашъ контроль, можно сказать, повѣряетъ правильность книгъ, а не правильность расходовъ; онъ сличаетъ, а не контролируетъ. Есть случаи, когда онъ думаетъ контролировать; но они и рѣдки, и при томъ основаны на такихъ неточныхъ данныхъ (какъ на примѣръ справочныя цѣны), что лучше бы не терять времени и

ограничиться однимъ сличеніемъ книгъ и документовъ. Правила контроля такъ еще не совершенны, самая формальность отчетности представляеть столько лазеекъ, что изъ ста сомнительныхъ статей въ ученыхъ реестрахъ девяносто пять непременно объяснятся, а по остальнымъ пяти заведутся дѣла на десять лѣтъ и болѣе.

*

Говорять, что Надеждинъ, издатель „Телескопа“, сосланъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Онъ всю бы жизнь свою провелъ между посредственной неизвѣстностью: вотъ ему даютъ историческое достоинство. Я никогда не любилъ и не уважалъ Надеждина, какъ чловѣка малодушнаго и падкаго; вѣроятно онъ задумаетъ въ уединеніи написать что нибудь дѣльно; но скорѣе, что физическая нужда заставитъ его роптать на свою бѣдственную участь. Да и Богъ знаетъ, можетъ ли онъ написать что нибудь цѣлое, дѣльное. Онъ много нахваталъ; углубляться въ совершенное ученіе онъ не имѣлъ времени, въ немъ больше способностей нежели дарованій; семинаристъ по натурѣ, онъ лѣзетъ въ свѣтскіе и беллетристы.

*

Я еще бываю въ лихорадкѣ при радости и боязни; слѣдовательно я молодъ. Мнѣ часто хочется иди по улицѣ перепрыгнуть черезъ дроги; слѣдовательно я молодъ. И еще чаще мнѣ случается перерывать разсужденія преждевременнымъ возраженіямъ,—я молодъ. И еще чаще обидѣтся и отвѣчать насмѣшкой,—молодъ, молодъ!

*

Я вчера былъ у Кожина (В. Ф.) и встрѣтился съ семействомъ баронессы Розенъ: мать лѣтъ за сорокъ и три молодыя дочери двѣ какъ бы вчерась изъ монастыря, изволятъ проводить вечера у молодого (да еще провинціальнаго) чловѣка. Это странно. Надобно узнать дѣло. Въ нихъ нѣтъ ничего наглаго, даже ничего двухсмысленнаго, есть даже благовоспитаніе, благородство, скромность. Говорять по-французски и по-нѣмецки. Одѣты, одна игравшая на фортепіано, по-домашнему хорошо, причесаны и стянуты какъ слѣдуетъ, я съ ними познакомлюсь непременно.

*

Еще годъ, я желалъ бы обозрѣть прошедшее, дай Богъ не считать мнѣ время годами. Я опять встрѣчаю Новый Годъ 1837-й въ уединеніи, и это уединеніе мнѣ нравится; я перечитываю Дни и Труды мои какъ Нарцизь смотритъ въ ручей на свой обликъ.

*

Я провелъ вечеръ (3-го Января) у Ставицкихъ. Съ сыномъ (коннопоіонернаго эскадрона поручикомъ) я познакомился случайно въ Департаментъ, въ чемъ-то помогъ ему. Провелъ вечеръ пріятно въ искренней бесѣдѣ. Но я на каждомъ шагу чувствую недостатокъ образованности моей. Если иногда попадешься въ кругъ, явно видишь, что надобно бы имѣть и какъ это легко было бы пріобрѣсти и какъ пріятно было бы теперь. Вывозятъ кое-какой умъ, смѣтливость и кое-какія понятія. Вотъ что значить измѣнить предположенное направленіе жизни!

*

Мѣсто графа П. И. Шувалова по управленію Академіи Художествъ занялъ въ послѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ—генераль, поручикъ и кавалеръ И. И. Бецкій, мужъ религіозный, образованный, просвѣщенный и опытный. Онъ мало извѣстенъ у насъ и едва ли не по одной рѣчи при его погребеніи. По волѣ Императрицы онъ написалъ Наставленіе о воспитаніи (№ 12, 785; кажется, это наставленіе названо Екатериною „Генеральнымъ учрежденіемъ всѣхъ училищъ во всей имперіи“). Я думаю, что другое, именно докладъ 1764 г. Март. 14). Здѣсь изложены главныя основы физическаго воспитанія, избранныя изъ лучшихъ (Французскихъ) авторовъ и дополненныя собственными наблюденіями автора, которыя онъ имѣлъ случай собрать въ продолженіи своего путешествія по Европѣ. По мысли, плану и уставамъ Бецкаго учреждены и распространены: Воспитательный домъ, училище при Академіи художествъ, при Вознесенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, сама Академія, Кадетскій Шляхетный Корпусъ (12. 741. №.) и др. Но для меня драгоцѣнны его доношенія (1764 г. Март. 14) о воспитаніи юношества въ Россіи. Это основной камень нашего образованія. Оно дышетъ кротостію и великодушіемъ Великой Екатерины, оно написано по ея наставленіямъ. Я бы желалъ написать двѣ біографіи: графа П. И. Шувалова и генер. Бецкаго; послѣдній много уступаетъ первому, но въ первомъ государственныи умъ, геніальность и вѣрность подданнаго облечены были въ формы вельможнаго боярина и не развились до того изящества, которое имѣлъ Бецкій. Можетъ быть, это отъ того, что Шуваловъ обнималъ слишкомъ много, а Бецкій ограничился однимъ дѣломъ народнаго образованія. Одно мнѣ странно: по нѣкоторымъ раболѣпнымъ выраженіямъ П. И. Шувалова сдается какаѣ-то неблагородная лесть. Онъ и вообще Шуваловы были чрезвычайно богаты. Бецкій представляется благороднѣйшимъ человѣкомъ.

*

Дѣла Канкринна идутъ плохо. Когда-то онъ явно не хотѣлъ имѣть товарища; когда-то говорили о немъ, какъ творцѣ финансовъ въ Россіи.

Теперь заговаряютъ иначе. Министерство финансовъ всегда считалось хлѣбнымъ, въ немъ получались мѣста, какъ аренды. Судить о состояніи его можетъ знающій; учрежденіе, ученіе его въ главныхъ очертаніяхъ должно быть извѣстно всякому. Доходовъ у него множество, зато велики поборы; найдены ли средства неотяготительности налоговъ, дано ли направленіе промышленности, соотвѣтственное ея свойству,—этого не видно. Особенно въ плохомъ состояніи государственное имущество и изъ нихъ въ самомъ плохомъ государственные крестьяне. Ихъ не возможно сравнивать съ помѣщичьими; подумаешь, что свобода казенныхъ крестьянъ есть причина ихъ празнолюбія—пьянства, зависимости отъ перваго писаря, бѣдности и наживы для управителя, откупщиковъ и всякаго набольшаго. Если Канкринъ упадетъ то порѣ: слишкомъ давно сидитъ. Шутка ли, кажется съ 1822 года онъ засидѣлся, застоился, онъ можно сказать навѣрное отсталъ отъ современнаго образованія. Иные говорятъ, что это есть слѣдствіе партій Киселева, который еще въ 1835 году оторвалъ частичку крестьянъ и готовъ былъ (и есть) взять весь департаментъ имуществъ. Иные говорятъ, что причиною или поводомъ супруга почтеннаго министра. Это говорила мнѣ одна дама. „Графиня такъ малодушна, такъ влюбчива, какъ дѣвченка въ шестнадцать лѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ она многихъ изъ своихъ фаворитовъ вывела въ люди, хоть и фаворитовъ у нея не такъ много; сколько будетъ, неизвѣстно. Рассказываютъ, что графиня, опредѣляя чиновниковъ, брала взятки (уже разумѣется въ пропорціи) и что записки ея есть даже при дѣлахъ канцеляріи. Сумма, отпускаемая на содержаніе канцеляріи министра, на половину берется графинею. Все это толки, а сколько толковъ еще будетъ, когда новое солнце взойдетъ выше, а старое зайдетъ и скроется! Я не могу простить графу Канкрину двухъ вещей: откуповъ и подушной подати въ смѣтѣ и всегдашнюю готовность найти государю деньги. Послѣднее избаловало царя, и онъ въ самой расточительности доходитъ до роскоши.

*

Я видѣлся съ авторомъ „Новика“ и „Ледяного дома“; онъ извѣстенъ мнѣ съ 1823—24 года, когда я былъ еще въ уѣздномъ училищѣ, а онъ директоромъ гимназіи. Послѣ въ 1828 году, когда онъ былъ управляющимъ имѣніемъ графа Остермана, я жилъ у него, бѣдный аспирантъ до студента университета, видѣлся съ нимъ въ 1830 году, когда онъ писалъ „Новика“, видѣлся 32—33, когда онъ писалъ „Ледяной домъ“, наконецъ вижу теперь 37 года, онъ пишетъ что-то изъ времени Іоанна Третьяго и думаетъ писать „Колдуна на Сухаревой Башнѣ“ изъ временъ Петра. Иванъ Ивановичъ человѣкъ высочайшей степени добрый, откровенный, совѣстливый, нѣжный, слѣдовательно пылкій,

слѣдовательно не упорный, слѣдовательно способный для идеальныхъ впечатлѣній. Но онъ былъ, кажется, подъ вліяніемъ болѣе впечатлѣній, нежели созданій.—Записки его трудъ молодости. „Новика“ я читалъ лѣниво, первая часть показалась мнѣ утомительно скучна своими описаніями. „Ледяного дома“ я не читалъ, можетъ быть, прочту; вообще я сознаю въ себѣ важный недостатокъ—стремленіе къ вѣрному, положительному; для меня поэзія (это преимущество творческаго искусства) есть дѣло второстепенное, болѣе страждущее, болѣе невольное, нежели творящее, свободное, сознательное. Это недостатокъ моего понятія. Оттого-ли что я не имѣлъ возможности узнать ни одного настоящаго поэта, который отдалъ бы мнѣ отчетъ, полный отчетъ, въ своихъ историческихъ идеалахъ и воплотилъ въ меня идею идеала неземного, мнѣ все это кажется мелкимъ, слишкомъ поверхностнымъ: мало объема, мало глубокаго понятія. Надобно познакомиться съ Пушкинымъ. Мы толковали объ эпохахъ его романовъ. Видишь, слышишь, что человѣкъ читалъ о лицахъ, о времени, но не чувствуешь, что онъ жилъ съ этими людьми; онъ какъ будто рассказываетъ по наслышкѣ, прибавляетъ соображаясь какъ бы и что; толкъ для него исторія, образецъ для него аналогія. Мы много говорили о вздорѣ, бесѣда была пріятна; я люблю этого человѣка, и кромѣ любви я имѣю къ нему чувство благодарности и привожу на память пріятныя воспоминанія моего дѣтства, которыми, къ моему несчастію, я очень бѣденъ.

*

Пушкинъ убитъ, одного изъ талантливыхъ Всероссійскихъ людей не стало. Говорятъ, онъ имѣлъ дуэль съ поручикомъ Дантесъ. Не слухи, а толки; я взволнованъ ими какъ бы участвуя лично, но чортъ или дьяволъ, хоть самъ сатана, вмѣшались въ это дѣло, потеря тѣмъ не менѣе чувствительна; отсутствіе Пушкина будетъ чувствительно, какъ юности въ здоровомъ тѣлѣ. Онъ выразилъ идею искусства, какъ только можетъ быть выражена молодымъ народомъ; теперь явится преувеличеніе его таланта. Можетъ быть,ждемся и его оцѣнки.

Пушкинъ умеръ 27 Января въ исходѣ 3-яго часа пополудни; на другой день тѣло выставлено было въ передней комнатѣ передъ кабинетомъ. Тотъ часъ послѣ смерти Государь приказалъ Жуковскому и Дупельту запечатать кабинетъ его. Парадные двери были заперты, входили и выходили въ швейцарскую дверь, узенькую, вышиною въ полтора аршина; на этой дверкѣ написано было углемъ: Пушкинъ. Съ 30 Января по 2 Февраля Петербургъ прощался со своимъ знаменитымъ поэтомъ. Я былъ два раза, поутру и вечеромъ 31-го Января. Въ 2 часа поутру, по моему обыкновенію, я пошелъ гулять съ цѣлю проститься съ

незабвеннымъ. Отъ Главнаго Штаба (куда зашелъ я въ библіотеку генерал. штаба, чтобы посмотрѣть портретъ Государя въ коннопопьерномъ мундирѣ), я пошелъ по Мойкѣ. Толпа народа, множество экипажей стояли у воротъ дома (княгини Волконской), гдѣ жилъ Пушкинъ. Я вошелъ на крыльцо; изъ маленькой двери выходилъ народъ; тѣснота и восковой духъ, тишина и какой-то шепотъ невольно пробудили во мнѣ мысли о живыхъ и мертвыхъ. У дверей стояли полицейскіе солдаты. Я взошелъ по узенькой лѣстницѣ; посѣтителей было множество, всѣ шли въ шубахъ, шинеляхъ, много дамъ, были даже молоденькія дѣвушки и купцы. Во второй комнатѣ стояли ширмы, отдѣлявшія входъ въ комнаты жены; диванъ, столъ, на столѣ бумага и чернильница. Въ слѣдующей комнатѣ стоялъ гробъ, въ ногахъ читалъ басомъ и продолжительно чтець въ черной ризѣ, въ головахъ живописецъ писалъ мертвую голову. Тѣснота. Трудно было обойти гробъ. Я посмотрѣлъ на трупъ, онъ въ черномъ сюртукѣ. Черты лица (не предубѣжденіе ли?) рѣзки, сильны, мертвы; онъ былъ какъ долженъ быть мертвый Пушкинъ; мнѣ показалось, что мускулы его были сильнѣе, нежели я предполагалъ. Жилы на лбу напрыжились, кисть руки большая, пальцы длинные, къ концу уже; видна только одна рука. Я ушелъ. Вечеромъ я снова былъ (вмѣстѣ съ Протасевымъ); толпа была также велика. Я обошелъ кругомъ гробъ. Дома, ложась спать, когда погасилъ свѣчу, образъ Пушкина не давалъ мнѣ заснуть, и сердце трепетало какъ бы въ боязни. Я мучился, перевертывался съ боку на бокъ, хотѣлъ велѣть подать мнѣ огню и не велѣлъ, боясь, чтобы это не было малодушіемъ, я не спалъ до четвертаго часа. На билетахъ было сказано въ церкви Исаакія, а въ самомъ дѣлѣ въ Конюшенной. Народъ раздѣленъ былъ на два стада, стеченіе было чрезвычайное. Вся церковь кинулась прощаться, и всѣ хотѣли нести гробъ усопшаго. Я не былъ и пишу со словъ.

Сегодня, 15 Февраля, П. П. Архиповъ и Генріета Леонтіевна фонъ-Дѣбнеръ сочетались бракомъ въ церкви святой Екатерины. Архиповъ третьяго дня сказалъ мнѣ: буду ли счастливъ, не знаю; но я жизнію отвѣчаю, что жена моя будетъ моимъ счастіемъ. Такъ, можетъ быть, женимся и мы.

*

(Пишу дрожащею рукою). Я былъ сегодня 17 Февраля въ Павловскомъ, и ѣздили мы на паровозахъ; объ этой игрушкѣ я давно сказалъ свое мнѣніе. Мы проѣхали два раза или три, я, Протасевъ, Кроненбергъ, (какой-то) Белюстинъ, князь Багратіонъ, Фріезъ (у котораго сгорѣли фракъ и шинель). Выпили семь бутылокъ Шампанскаго.

Написано множество стиховъ на смерть Пушкина, они ходять по рукамъ. Лучшіе принадлежать Норову, вотъ они:

Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
 Великій бардъ полночныхъ странъ,
 Чья слава въ сонмѣ поколѣній
 Взростеть со славой Россіянъ.
 Найдуть въ исторіи далекой
 Средь лавровъ царскаго вѣнца
 Вплетенный миртъ тому, чье око
 Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
 Кто, занимаясь съ нимъ какъ съ сыномъ,
 Отходный далъ ему совѣтъ
 Безъ скорби перейти въ тотъ вѣкъ
 И умереть христіаниномъ.

И еще много читаются стихи Лермонтова; они мнѣ не нравятся. Послѣднія строки „къ потомкамъ, бичамъ свободы, таланты генія, наперстникамъ разврата, окружающимъ престоль“, стоили автору дорого: онъ, корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, выписанъ прапорщикомъ въ какой-то драгунскій полкъ, расположенный на Кавказѣ. Изрядно сказано о Дантесѣ. Издалека подобно сотнямъ бѣглецовъ на ловлю счастья и чиновъ закинуть къ намъ по волѣ рока. Пустое сердце бьется ровно, въ рукѣ не дрогнулъ пистолеть. Надменно презиралъ чужой страны языкъ и нравы, не могъ понять въ сей мигъ кровавый, на что онъ руку подымалъ и проч. и проч.

Лермонтовъ еще молодъ; я помню его по университету. Наказаніе справедливо, это негодующее изліяніе болѣе памфлетъ нежели дань сердцу умершаго поэта. Не понятно, какъ могъ военный и притомъ гвардеецъ написать такое странное посланіе, но аномаліи эти въ порядкѣ вещей современныхъ. Мы товарищи по Московскому университету, но ни на лекціяхъ, ни въ кавалькадахъ мы не могли сойтись съ Лермонтовымъ. Въ то время мы и не знали, что онъ поэтъ.

*

Вчера, 13 Марта, я выпилъ 3 стакана Шампанскаго и просидѣлъ съ половины 8-го вечера за картами до 5-ти часовъ утра; это было у В. Н. Вер., домой воротился въ 6 часовъ. Такой продолжительный дебошъ въ первый разъ въ жизни. Я день ото дня становлюсь пошлѣе и пошлѣе.

Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Мемуаровъ есть улика нашей низкой до сихъ поръ дипломатіи. Не стыдно ли до сихъ поръ представителямъ священныхъ особъ переписываться канцелярскими увертками, когда эти увертки день ото дня изгоняются даже въ депар-

таментскихъ сношеніяхъ и едва терпимы въ приказныхъ и подъяческихъ стряпняхъ? Не безчестно ли силѣ, державной силѣ, источнику права, вымышлять предлоги и прикидываться оскорбленными, когда власть даетъ имъ право и возможность дѣйствовать благородно? Будемъ равнодушнѣе. Ябеда, крючки уничтожаются въ судахъ съ образованностію и съ изданіемъ положительныхъ законовъ; хитрая, дикая дипломатія уничтожится съ опредѣленіемъ политическихъ правъ государствъ. Дипломатія нашего времени компрометирована Мемуарами; она будетъ изгнана убѣжденіемъ, что хитрость и сплетни не вѣрны, не продолжительны и потому вредны. Не царское дѣло трудиться надъ минутными взглядами. Цари постановлены Богомъ, а Его царство вѣчно и безпредѣльно.

Талейранъ умеръ. Ему было восемьдесятъ четыре года, онъ служилъ Людовику XVI-му, Національной Конвенціи, Директоріи, Консулу, Императору, новымъ королямъ и наконецъ гражданскому королю и всегда выходилъ чистъ и побѣдителемъ. Онъ имѣлъ славу необыкновеннаго дипломата, умнѣйшаго человѣка и осторожнаго хитреца; онъ могъ, оставляя свѣтъ, сказать Европѣ: хорошо ли я сыгралъ свою роль? И Европа должна была наградить его неумолкаемыми рукоплесканіями. Талейранъ имѣлъ умъ, въ высочайшей степени ловкій, холодный, расчетливый, зналъ обстоятельства и людей своего времени, понималъ, куда кто идетъ и придетъ и, ведя страдальческую жизнь исполнителя, велъ повелителей по своему усмотрѣнію. Талейранъ былъ геній, но геній не творческій; въ немъ, кажется, не было души, не было сердца и, не смотря на блестящее поприще, онъ, кажется, не зналъ счастья. Ему не доставало прямоты, благородства, патриотизма, самоотверженія; онъ не имѣлъ священныхъ минутъ восторга народной любви, благодарности человечества. Новѣйшая дипломатія есть его созданіе; онъ жилъ восемьдесятъ четыре года—цѣлый вѣкъ и имѣлъ несчастіе видѣть потомство. Онъ читалъ свои біографіи и исторіи своего управленія. Какъ онъ ни уменъ, но время умнѣе его, и всеобъемлющій умъ имѣлъ горестную участь пережить свою силу.

*

У меня сидѣлъ Александръ Агѣевичъ Абаза, толковалъ о поприщахъ службы. Съ 1837 года онъ перемѣнилъ четыре плана и теперь снова приступилъ къ первому. Непостоянство его происходитъ отъ своеволія, которое къ несчастію дано отцомъ, какъ ему, такъ и всѣмъ его братьямъ. Воспитаніе его стоить дорого, но оно непрочно. поверхностно и суетно. Я не думаю, чтобы онъ пошелъ въ прокъ; онъ испорченъ, потому что до сихъ поръ росъ безъ присмотра; онъ не можетъ равнодушно трудиться, потому что отъ многихъ отсталъ и

получилъ уже три отказа; онъ не можетъ любить истиннаго достоинства. По теперешнему состоянію онъ говоритъ: буду учиться, но онъ не будетъ учиться, или покрайней мѣрѣ ничему порядочному не выучится. Такъ было и со старшимъ братомъ. Говорите послѣ этого, что отцы не властны надъ участью своихъ дѣтей.

*

Когда миновалъ героическій, творческій періодъ нашей литературы, Державинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Крыловъ, герои наши, умолкли, когда не стало историка нашего Карамзина, сфера литературы увеличилась, читающіе, пишущіе умножились, знанія и школы распространились, языкъ и формы рѣчи улучшились; но тѣмъ не менѣе великое раздробилось, геніевъ нѣтъ, и вмѣсто творческихъ умовъ явились писатели второстепенные. Остатки прежнихъ лѣтъ уцѣлѣли въ поэзіи Жуковского и особливо въ смѣломъ, ретивомъ нашемъ Пушкинѣ, послѣднемъ героѣ нашей молодой жизни. Теперь не то. Намъ тяжела ученость какого-нибудь Веланскаго, Павлова, Кронеберга, Галича, Остроградскаго; намъ скучны положительныя знанія Купфера, Френа, Кеппена. Намъ надобны ученыхъ, какъ Давыдовъ, для котораго знаніе есть орудіе, ученость—маска; людей безъ любви къ наукѣ, безъ уваженія къ идеѣ, людей безъ призванія, но ловкихъ, уклончивыхъ, вкрадчивыхъ, хитрыхъ; намъ надобны Булгаринъ и Гречъ, люди безъ творчества, льстецы господствующихъ недостатковъ, замаскированные въ права учителей, досмотрщиковъ и направителей молодыхъ дѣятелей. Намъ надобенъ Полевой, лишенный всякаго систематическаго ученія перемѣтчикъ и искатель счастья на всѣхъ путяхъ жизни, мелкій торговецъ и неумолчный враль, историкъ, поэтъ, водевилистъ и критикъ, ученый, свѣтскій, веселый и желчный безъ характера, безъ достоинства, обманщикъ и сплетникъ. Намъ надобенъ Кукольникъ, стихотворецъ, прибирающій строчку къ строчкѣ, рифму къ рифмѣ, слово къ слову, сцену къ сценѣ, безъ всякаго одушевленія, безъ глубокаго чувства, безъ знанія сердца. Намъ надобенъ наконецъ Сенковскій, который все осмѣиваетъ, все ругаетъ и хвалитъ только то, что состоитъ подъ покровительствомъ полиціи, человекъ безъ души, но съ умомъ, безъ чувства, но съ знаніемъ, но низкій, черный и готовый на все, что не защищено полиціею. Стыдь!

*

Докторъ К. А. Майеръ довѣрилъ 100,000 руб. купцу Александровичу, въ обезпеченіе исправнаго продовольствія Варшавскаго госпиталя за 70%; по несостоятельности Александровича, при хозяйственномъ довольствіи дѣлаются ужасныя передачи; по количеству ихъ докторъ можетъ опасаться потерять весь капиталъ, въ которомъ, кажется, 40000 руб. принадлежатъ его брату. Положеніе добраго док-

тора очень тягостно, онъ поскакалъ въ Варшаву для спасенія чего можно и теперь писать самыя неблагопріятныя извѣстія. Я принялъ живое участіе въ его дѣлѣ и какъ въ Петербургѣ, такъ и на дорогу далъ ему искренніе и добрыя совѣты. Мнѣ пріятно помнить, что я оказывалъ К. А. не мое малое содѣйствіе, но еще нашелъ случай помочь доброму человѣку. По ходу дѣла должно предполагать важныхъ потерь. По моему предположенію остаются два пути: или просить о принятіи убытковъ на счетъ казны, такъ какъ возвышеніе цѣнъ произошло отъ независимыхъ обстоятельствъ, или, если этого не уважить правительство, просить объ обращеніи убытка въ доли съ разерочкою платежа на 37 лѣтъ по примѣру несостоятельныхъ откупщиковъ, на обыкновенныхъ банковыхъ правилахъ. Бѣдный отецъ опасливъ, теряетъ духъ и перемѣтчивъ, какъ слабый человѣкъ въ минуту опасности. Жена его Софья Ивановна, добрая, любезная дама, какъ должно предполагать Лютеранка и заправская Нѣмка, но въ ней очень мало Нѣмецкаго. Сыновья: Карлъ лѣтъ восьми, Вильгельмъ шести, говорятъ по-русски, едва знаютъ нѣсколько Нѣмецкихъ словъ.

Въ отсутствіи К. А. я бываю у нихъ на дачѣ и искренне люблю добрую Софью Ивановну, можетъ быть оттого, что она любитъ семейный бытъ и вѣрить моему дружескому расположенію къ ея мужу.

*

Въ южныхъ губерніяхъ голодъ, говорилъ одинъ откупщикъ, цѣны возвышаются, скотъ продается за ничто, мѣстное начальство затрудняется въ сборѣ повинностей и опасается за спокойствіе края. Ничего, отвѣчалъ К. Э., Государь пошлетъ своихъ адъютантовъ: они наварятъ каши, и всѣ будутъ сыты.

*

Я познакомился съ Васиціемъ Матвѣвичемъ Перевоицковымъ. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, въ первомъ курсѣ по открытіи, опредѣленъ учителемъ въ Пензу, гдѣ служилъ съ моимъ отцомъ, сдѣланъ адъюнктомъ въ Казани, переведенъ въ Дерптъ и теперь, лѣтъ шестидесяти, живетъ въ отставкѣ со своимъ семействомъ на Васильевскомъ островѣ въ пятой линіи, въ домѣ Бекмана. Я былъ предупрежденъ М. М. П., что это человѣкъ святой, благочестивый и самодержавный. Мы сидѣли втроемъ: я, учитель мой М. М. П. и В. М., его учитель: три поколѣнія. Не доставало четвертаго, моего ученика; мы могли бы служить представителями современной эпохи. Разговоръ былъ искренній и не равнодушный; говорили особенно мы со старикомъ: двѣ крайности. Поповъ, *juste milieu*, болѣе молчалъ или мирилъ наши разногласія. Дѣло шло о настоятельности и умѣренности преобразованій, объ искорененіи и терпимости недостатковъ, о неотлагательствѣ

и выжиданіи мѣръ лучшаго устройства, о человѣческомъ умѣ и времени, объ участіи ихъ въ дѣлахъ жизни.

*

В. М. человѣкъ прекрасной души, скромный, вѣрующій, любящій. Опытъ лѣтъ склонилъ его на сторону безропотной терпимости, наука сохранила теплоту чувства и ясность мысли, непрерывность занятій и знакомства еще связываютъ его съ дѣйствительностію, строгая жизнь поддержала въ немъ крѣпость силъ и отчетность впечатлѣній. Онъ вѣритъ въ лучшее и откровенно отдаетъ преимущество новому предъ старымъ, но оканчивая свое поприще, переживя буйныя времена преобразованій, онъ удаляется съ ристалища и, не надѣясь на свои способы, измѣряя всѣхъ по своему аршину, онъ опасается за другихъ и со страхомъ смотритъ на смѣлые порывы молодого человѣка, въ которомъ скрытность и осторожность были бы преступнымъ притворствомъ. Надобно познакомиться со всѣмъ его семействомъ, которое, говорятъ, все такого же прекраснаго свойства.

*

Правительство есть умъ народа. Правленіе есть его право. Повиновеніе ему есть обязанность народа; ни одинъ народъ не можетъ быть безъ правительства, онъ отдѣляется отъ него, когда лишится надежды, или потеряетъ терпѣніе, или потеряетъ довѣренность; здѣсь вина не народа, но правительства. Правительство не должно забывать при своихъ учрежденіяхъ: 1) Что все неестественное требуетъ принужденія. 2) Что всякое принужденіе стѣснительно. 3) Всякое стѣсненіе тяжко. 4) Что природа человѣческая постепенно стремится къ освобожденію себя отъ этого стѣсненія и такимъ образомъ дѣлаетъ невольное преступленіе. Всякое невольное преступленіе есть вина правительства.

Неестественное учрежденіе требуетъ на свое поддержаніе и неестественныхъ мѣръ, онѣ усиливаютъ неповиновеніе, раздражая его на каждомъ шагу постояннымъ принужденіемъ; неповиновеніе поражаетъ съ одной стороны строгость, доходящую до крайности, съ другой хитрость, придумывающую средства освободиться отъ принужденія и обмануть бдительную строгость. Всякое злоупотребленіе права ведетъ къ потерѣ его; злоупотребленіе монархіи кончается анархіей, анархія деспотизмомъ.

*

Петръ В. завелъ Академію Наукъ, на что она ему? Академія до сихъ поръ ничего не сдѣлала. Народъ смотрѣлъ на духовенство, какъ на учителей своихъ. Почему Петръ В. не воспользовался этимъ довѣріемъ и не положилъ въ основу своего преобразованія нравственное ученіе духовенства? Онъ имѣлъ средства держать духовенство въ рукахъ;

говорить же, что ученіе духовныхъ способно только къ аскетикѣ и схоластикѣ въ наше время нельзя: мы знаемъ Лютера у реформатства и Боссюета у католиковъ. Петръ зналъ нелюбовь Русскихъ къ иностранцамъ и на зло этому призвалъ полчища иностранцевъ. Для чего это? Теперь Русскіе въ своей землѣ, не потому что правительство имъ покровительствуетъ, но потому что соревнованіе для насъ было и есть неблагоприятно, преждевременно. Петръ зналъ нашу торговлю съ Востокомъ и устремился къ нашей торговлѣ съ Западомъ. Принесли ли намъ это ожидаемая выгоды? По-моему, правительство нынѣшняго Государя вѣрнѣе и надежнѣе, увѣреннѣе и смѣлѣе, потому что производитъ учрежденія не изъ подражанія, но изъ положительныхъ требованій народной жизни.

*

Я веду кочующую жизнь: четыре дня на Каменномъ островѣ, два на Черной рѣчкѣ, день въ Царскомъ, три въ Павловскѣ. Живу для здоровья и чувствую себя лучше. На Черной рѣчкѣ познакомился съ К. А. Г. и съ *soit disant* ея племянницею Лис. Алек. Старушка повидимому добрая женщина, радушная и искренна въ приѣмѣ и разговорахъ, но любопытнѣе ея племянница. Она лѣтъ тридцати пяти и не хороша собою: смугла, болѣзненна и приняла роль пожилой независимой дамы, которая позволяетъ себѣ кокетство въ свободномъ, вольномъ разговорѣ, злословіе въ кругленькихъ фразахъ, разочарованіе въ общихъ словахъ о ничтожествѣ женщинъ. Дѣвушка очень интересная, она прекрасно говоритъ по-французски: жаль только, что, зная это, слишкомъ примѣтно щеголяетъ своимъ языкомъ и по несчастію, несмотря на свой возрастъ, не отказалась отъ претензій и не достигла той степени, когда вольность непредосудительна и намеки, ахи и ахи безъ предубѣжденій. Я непременно сойду съ покороче съ этой женщиной и разберу ее, какъ равнодушный наблюдатель. Она стѣдитъ этого, въ ней много опытности, навыку, любезнаго болтовства, а можетъ быть чувства; она остра и заносчива.

*

Устряловъ издалъ брошюрку о системѣ прагматической исторіи. Не понимаю, какъ можно такъ легко трактовать столь важный предметъ и представлять такое незначительное, поверхностное сочиненіе на степень доктора философіи. Дѣленіе исторіи у него лучше другихъ; но почему же не развита мысль о необходимости западной Руси или исторіи восточной Руси? Что Литовское княжество составилось изъ Русскихъ, это возможно, что тамъ большая часть жителей Славяне, это несомнѣнно; но что западная Русь принадлежала къ системѣ Польши, это выраженіе, которое не упомянуто въ сочиненіи докторанта. Польша, а *слѣдова-*

тельно Литва, должна принадлежать Россіи: вотъ политическое положеніе, на которое намекаетъ господинъ Устряловъ.

*

Я сейчасъ изъ Большого театра, зрителей тысячи, аристократія, звѣзды, блескъ и красота, все что есть въ Петербургѣ. Давали „Смерть за Царя“, Ивана Сусанина, національную оперу, музыка Глинки, слова барона Розена съ прологомъ и эпилогомъ. Маленькая опера, написанная какъ бы для удавшихся мотивовъ, съ желаніемъ сказать, пропѣть нѣсколько Русскихъ апофегмъ для Петрова*), особенно для него. Созданія нѣтъ никакого. Есть, и множество, мотивовъ Русскихъ пѣсень. Авторъ возьметъ начало напѣва, прибавитъ конецъ и составитъ партицію. Сусанинъ въ лѣсу и именно арія на зарѣ выполненъ Петровымъ превосходно; но Петровъ все выполняетъ превосходно. Обставка блестящая, декорация Роллера. Кажется, авторъ имѣлъ въ своемъ понятіи о національной Русской музыкѣ (онъ изъ нея явился) три начала: Русскія пѣсни—онѣ, онѣ у него или цѣликомъ, или перебиты, или пополамъ съ его фантазіями; церковное пѣніе—всего болѣе въ хорахъ, и ту характеристическую черту у человѣка, которая явно и сильно выражается въ нашихъ пѣсняхъ: горе и радость, торжественность и разгулье, плавность и быстрота. Онъ употребилъ эти средства; знатокамъ судить, хорошо ли? Но всё это признаки, а не самая вещь. Молодо, зелено! Это ребенокъ, который говоритъ „медвѣдь, медвѣдь“, а это медвѣжья шуба.

*

П. М. Позень, голова и выскочка, вчера въ обществѣ своихъ ѣздилъ на свою дачу (въ Декабрѣ!) погулять. Оно бы ничего, поѣзжай, но въ числѣ гостей былъ В. В. Е. Что за чортъ, когда это бывало? Я думаю, что ровня неохотно знается съ П., такъ онъ уже беретъ въ комплектъ В. Но съ этимъ не сдобровать: это можетъ прибавить разгульнаго товарища, но убавитъ добраго мнѣнія, которое для выскочки должно быть очень дорого. Я этого не понимаю, надобно доискаться резона.

Скажи мнѣ, человѣкъ Божій, что находишь ты пріятнаго въ этой жизни? Хорошее мѣсто, хорошее состояніе или хорошую жену? И то, и другое, и третье. Будетъ одно, будетъ и прочее. Нѣтъ, Божій человѣкъ, не будетъ. Хорошее не дано тебѣ, дано худое, да возможность лучшаго. Но что теперь привязываетъ тебя, изъ за чего ты бьешься? Чтобъ жизнь промаитъ какъ нибудь? Такъ ты выбралъ плохое средство.

*

*) Знаменитый тогдашній пѣвецъ. П. Б.

Французы готовы отвѣчать головою, что, рано или поздно, повсюду будутъ приняты конституціонныя правительства, представительное правленіе. Въ такое короткое время, говорятъ они, и уже столько народовъ приняли конституцію. Весь Западъ Европы, часть Германіи, нѣкоторыя государства на Югѣ и два королевства на Сѣверѣ, и все это съ быстротою электричества. Правда, примѣръ Франціи подѣйствовалъ на многихъ. Въ пятнадцатомъ-двадцатыхъ годахъ всѣ государи были согласны на введеніе представительнаго правленія. Такъ крѣпко дѣло народовъ держало умы и послѣ эпохи народнаго деспота. Теперь думаютъ иначе, понятіе очистилось. Французы могутъ проспорить, (Изъ нихъ одинъ романистъ и виконтъ сказалъ: *le bonheur des nations ne se donne pas, il s'en pose* *). Добрые Баварцы, учредя конституцію, въ первое засѣданіе преставителей, жаловались на публичность мнѣній и пересуды. Французы, чтобы подкрѣпить свои выводы историческими показаніями, противорѣчатъ самимъ себѣ. Отчего въ древности не видно конституціи? „Всѣ древнія націи занимали малыя пространства“, это несправедливо, а если и справедливо, то не существенная причина; главное въ томъ, что древніе не дошли до этой степени и не могли дойти. Если вникнуть хорошенько въ ученіе древнихъ объ обществѣ, эти великія націи представляются намъ младенческими. У нихъ была общая опасность, но не было общаго интереса, постоянного и основаннаго на общихъ постоянныхъ нуждахъ, да и всѣ народы древности жили по нѣскольку лѣтъ: въ продолженіи пяти столѣтій, съ пятисотаго года по первой составлялись и разрушались три имперіи. Эти имперіи составлялись изъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго; это не имперія Карла Великаго, образованная изъ Германскаго племени; не имперія Карла Пятаго, соединенная общимъ интересомъ вѣры, опасенія и торговли. Древніе достигли до этой степени, потому что они успѣли; новѣйшіе народы могутъ успѣть и должны успѣть, но могутъ и, можетъ быть, должны будутъ измѣнить конституціонныя формы, ибо онѣ не составляютъ еще верха совершенства, ни потому, что ихъ усвоили Французы (которымъ Богъ судилъ пройти всѣ фазы измѣненій), ни потому, что онѣ въ исторіи являются послѣднимъ звеномъ общественнаго устройства. Конституціонныя формы родились въ Англіи, оттуда перешли и усовершенствовались во Франціи. Англія и Франція, два блестящія созвѣздія нашего горизонта, по своему положенію должны были жить дѣятельно, живо, многосторонне. Странное дѣло! Эти двѣ первенствующія державы всего болѣе одолжены случайности, временнымъ обстоятель-

*) Счастіе не дается народамъ, оно налагается.

ствамъ, человѣческой слабости. Разберите ихъ исторію; на чемъ основаны у нихъ всѣ главнѣйшія основы ихъ правленія, всѣ ихъ хартии и коренныя постановленія? Англія и Франція преимущественно образовались а posteriori, изъ жизни, изъ опыта; конечно, у всѣхъ народовъ преданіе имѣетъ дѣятельное участіе въ развитіи жизни, это законъ человѣческаго развитія, но преданіе есть отрицательный движитель. Прошедшее важно какъ фактъ изученія, какъ подтвержденіе теорій, а не какъ составная часть жизни. Жизнь нова: чѣмъ обновленіе всестороннѣе, тѣмъ меньше въ немъ преданія. Въ Англіи и Франціи дѣйствительность такъ подавляетъ теорію, что до сихъ поръ тамъ нѣтъ ни одного гениальнаго систематика, а искусство—забава. Вывода теорію изъ жизни, Французы естественно должны были писать законы на толкучемъ рынкѣ, гдѣ раздаются тысячи голосовъ, съ ихъ временными, мелкими и односторонними видами; съ того времени какъ законы пишутъ въ такой суматохѣ, во Франціи нѣтъ законовъ, есть какія-то временныя положенія, принятая большинствомъ интереса. Но, скажутъ, тѣмъ лучше: эти временныя положенія ближе къ нашему бытію, которое есть временное, и слѣдовательно способнѣе дать благосостояніе. На время, согласенъ, но не забудьте, что здѣсь одно положеніе противорѣчить другому; каждое положеніе сопровождается бурей, отъ малаго предмета возстаетъ весь рынокъ, отъ крика къ брани, отъ брани къ дракѣ. Убійство, бунтъ! Въ 1791 году сколько было конституцій! Вы думаете, они обошлись дешево? Эта жизнь мысли, пылъ страстей льстятъ человѣческому самолюбію, кровь кипитъ, голова горяча, вниманіе въ напряженіи: развѣ это естественное состояніе человѣческаго общества? „образумятся“—такъ возьмите на примѣръ законъ о книгопечатаніи, главную опору конституціоннаго управленія. Чего съ нимъ не дѣлали?

*

Сенковскій обругалъ и сочинителя и сочиненіе А. Б. В. Г., всю Русскую азбуку. Неужели можно говорить печатно о книгѣ что хочешь, вѣдь книга товаръ. Что же дѣлаетъ М. Н. П.*. Позволятъ ли мнѣ напечатать: у господина Н. всѣ товары дрянъ? Ей Богу, г. г., это дозволеніе есть злоупотребленіе. Ну ужъ положимъ, лицо ругать нечего, лицами не дорожать, но книга товаръ, это подрываетъ и книжную торговлю, и авторскій кредитъ. Право, этимъ надобно заняться.

*

Читайте публичную и домашнюю жизнь Лютера, хоть въ Запискахъ изданныхъ Мишле, и увѣрьтесь, что не великіе люди производятъ рефор-

*) Т. е. Министерство Народнаго Просвѣщенія, вѣдавшее цензуру. П. Б.

маціи и что эти люди вовсе не велики событіями. Сынъ крестьянина, монахъ, докторъ, реформаторъ, Мартынъ Лютеръ былъ наравнѣ со своимъ вѣкомъ, но къ формальному знанію онъ присоединилъ идеальное, къ духовному свѣтское, къ отвлеченному положительное; это дало ему уваженіе Меланхтона, Гуттена и даже Эразма. Состояніе мнѣній было таково, что злоупотребленія Рима могли быть признаны официально. Лютеръ написалъ формальный рапортъ епископу, жалуясь на обманъ и наглость Тецеля. Здѣсь виденъ монахъ-попъ. Епископъ приказалъ монаху смириться и замолчать; изъ за монаха показался докторъ, профессоръ Виттембергскаго университета. Когда и профессору приказали перестать, является реформаторъ, фанатикъ, назойливый, вспыльчивый и честолюбивый. Это уже не попъ и не докторъ, это крестьянинъ Мюнцеръ, Іоаннъ Лейденскій, Карлъ Остадтъ. Чтобы не смѣшаться съ этими низкими людьми, онъ подчинилъ ученіе буквальному смыслу Евангелія, а церковь безусловному повиновенію власти. Дѣло вѣры сдѣлалось дѣломъ политики, дѣломъ философіи, дѣломъ экзегетики. Онъ скоро это почувствовалъ, и самъ онъ сталъ писать противъ папы, чорта и государей. Онъ скоро увидѣлъ, что его реформа, хотя онъ и предпринялъ ее во имя Бога, приняла совсѣмъ другое направленіе: явилось безвѣріе, не было теплоты въ сердцѣ, даже въ женѣ его Екатеринѣ, даже въ его собственномъ. Старое вѣрованіе отложено, къ новому еще не привыкли, неопредѣленность отношеній организаціи и значенія церкви дала поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и отпаденіямъ. „Реформа церкви, пишетъ Лютеръ, есть дѣло не наше, а государственное; что же не войдетъ въ государственное дѣло свѣтская власть?“ И именно такъ: сдѣлай Лютера генераль-суперинтендентомъ, дай ему въ помощь исполнительную власть и придай ему совѣтъ, гдѣ бы онъ имѣлъ голосъ президента! Онъ уже втроемъ дѣлалъ нѣчто подобное, но вѣроятно прекратилъ по запрещенію власти. Власть всегда должна входить въ дѣло преобразования, если не хочетъ быть обойдена и ослаблена. Лютеръ готовъ былъ отъ души прекратить реформу; этого мало: ратовать противъ нея, лишь успокойте его, помирите съ нимъ. Въ реформаторѣ выдавался челоуѣкъ съ нуждами и желаніями, постоянство его поддерживалось необходимостью. Онъ долженъ былъ идти по открытой имъ дорогѣ, хотя это не соответствовало его цѣли; онъ ратуетъ болѣе на реформаторовъ нежели на папистовъ, онъ неравнодушно терпитъ недостатки и тщеславится своимъ добрымъ дѣломъ. Подъ конецъ жизни и еще раньше, онъ сталъ желать насильственной смерти (и это всегда бываетъ съ людьми недовольными и не управляющимися съ дѣломъ) для запечатлѣнія новаго ученія, а не желалъ благоденствія для утвержденія и распространенія своего ученія. Преобразование опередило его, и ему въ жизни не остава-

лось ничего доблестнаго. Понятія Лютера о правѣ пошлы и спутаны. Манифестъ крестьянъ (написанъ умно, но слабо) обнималъ реформу обширнѣе и ближе. Лютеръ это чувствовалъ и въ отвѣтныхъ памфлетахъ своихъ къ царямъ и крестьянамъ является нерѣдко дипломатомъ: прикажите ему опровергнуть манифестъ, но общайте ему за это награду. Есть несомнѣнные намеки на готовность реформатора оставить дѣло, если за это дадутъ ему хоть кардинальскую шапку. Съ крестьянами князь, съ князьями крестьянинъ, Лютеръ не имѣлъ опредѣленнаго дѣйствования, и мнѣ кажется, онъ просто былъ орудіе новыхъ мыслителей, которые не пускались на арену, пока не объяснится, гдѣ вѣрнѣе побѣда и гдѣ ближе достиженіе. Лютеръ, какъ всякій невеликій человекъ, не выразился вполнѣ, и надъ его могилою можно выразить общую подпись: *C' est un homme manqué**).

Кальвинъ былъ Лютеръ Французскій; онъ уступаетъ великому реформатору въ силѣ генія, но превосходитъ его въ положительныхъ свѣдѣніяхъ и особенно въ умѣннн приложенія. Но тотъ и другой имѣли умъ болѣе отрицательный и разрушительный, нежели творческій, имѣли болѣе нетерпѣнія, нежели ожиданія, болѣе убѣжденія, нежели вѣрованія. Но въ Лютерѣ болѣе силы и прямоты, хитрый же Швейцарецъ любилъ и насиліе.

*

Вчера (21 Іюля 1837) я былъ на аукціонѣ въ библиотекѣ покойнаго графа Аракчеева. Книги довольно плохи, хорошія отобраны для Новгородскаго корпуса; вещи великаго человека продавались съ молотка, покупались безъ участія къ лицу или по крайней мѣрѣ безъ любви, а развѣ изъ любопытства, точно ли онъ былъ великій человекъ? Власть его была велика, взглядъ его былъ обширенъ, соображеніе сильное; но ему не доставало познанія неизмѣнныхъ началъ жизни и законовъ развитія нравственнаго тѣла, каковымъ можно назвать государство: онъ слишкомъ потакалъ временнымъ, мѣстнымъ обстоятельствамъ.

*

Я былъ въ Москвѣ отъ 8-го по 20 Сентября 1837 года для больной сестры моей. Но семейственное дѣло, хотя главное, занимаетъ здѣсь второе мѣсто. Я свидѣлся съ Москвой послѣ 3-хъ лѣтъ отсутствія (съ 1-го Марта 1835 года), послѣ 3-хъ лѣтъ Петербургской гражданской службы. Въ Москвѣ началась моя жизнь. До 1828 года все мое прошедшее такъ плохо, такъ неосновательно и безмысленно, что лучше бы его не было. Въ Москвѣ я началъ учиться, въ Москвѣ я узналъ состояніе гражданина, требованія общества, достоинство человека. Семь

*) Человекъ не удавшійся.

лѣтъ въ Москвѣ—вотъ мое прошедшее, о которомъ я хоть что нибудь могу сказать самому себѣ. Какія мысли, какіе планы толпились въ головѣ молодого студента, гдѣ они? Я отъ нихъ не только отказался, но даже отвыкъ, я даже забылъ ихъ и даже осуждаю ихъ; но они смѣлы, благородны, они противорѣчатъ обстоятельству, но онѣ согласны и свойственны молодой душѣ, еще непреклонной подъ уровень человѣческихъ устройствъ; они расширяли душу, тѣснили дыханіе и давали юному взгляду нѣкоторый даръ предвѣдѣнія; но ихъ нѣтъ и уже не будетъ. Каково было взглянуть на мѣста и лица, посреди которыхъ родились и жили молодые помыслы? Горько. Это не было разочарованіе: оно было ранѣе; это не были упреки, они преслѣдуютъ меня и въ Петербургѣ; это было воспоминаніе о томъ, чтѣ было хорошаго и чтѣ, можетъ быть, потому и хорошо, что не исполнилось: воспоминаніе о прошедшихъ надеждахъ, въ замѣнъ которыхъ теперь толпятся другія надежды, можетъ быть, тоже несбыточныя! Опыты жизни можно назвать капиталомъ, надежды оборотами, воспоминанія о нихъ банкротствомъ. Живетъ воспоминаніе только то, чтѣ удалось: то, чтѣ совершилось обращается въ опытъ, въ капиталъ, въ жизнь. Я повторяю, въ Москвѣ надпись на гробницѣ почти всякаго человѣка: *homme manqué*, и не почти, а непременно всякаго. Кто весь выразился, тотъ не раскаивается передъ концомъ.

Можетъ быть поэтому, не смотря на свиданіе съ моей любимой сестрой и искренними людьми, Москва мнѣ не понравилась. Я уѣхалъ до срока, и безъ дѣла еще не поѣду. Отдаленіе отъ Москвы и Москвитянь отъ Петербургской жизни едва ли не больше замѣтно, чѣмъ отдаленіе провинціи отъ Москвы. Москва модная провинція. Какое-то тайное чувство униженія проскакиваетъ въ разговорѣ Москвича съ Петербургскимъ, какое-то назойливое, умышленное неуваженіе къ общимиъ гражданскимъ понятіямъ, какая-то неуваженность въ несомненномъ довѣрїи къ сомнительному, безалаберный порядокъ въ поступкахъ и мысли. Въ Москвѣ много Русскаго, но не чистаго національнаго Русскаго; тамъ смѣшано съ Французскимъ и Нѣмецкимъ; но изъ трехъ этихъ ученій Русское—главное, Русская нація, Русскій умъ на той степени развитія, когда чувствуютъ необходимость знанія (еще для цѣли, а не для самаго знанія), когда начинаютъ думать о нуждѣ, но когда еще живутъ, чтобъ только жить, занимаются, чтобы выиграть, хвалять, чтобы обмануть, наживаются, чтобы расточать или скряжничать, молятся о даяніи, знаютъ по слуху, учатся по книгамъ, учатъ по заказу. Статистика нашихъ сословій представляетъ начало развитія; образованность не ввела еще общихъ понятій, минутное соединеніе общихъ видовъ не мѣшаетъ рѣзкому отдѣленію одного класса отъ дру-

гого, одной профессіи отъ другой. У насъ еще нѣтъ прошедшаго, можетъ быть оттого, что, судя по настоящему, наше будущее слишкомъ велико; теорія нашей жизни измѣняется, *чисто авось* и еще чаще подражаніе; это мѣшаетъ и опыту, который при зыблестности теорій не имѣетъ постояннаго положенія.

Можетъ быть, и эти строки пишетъ Москвичъ. Въ Москвѣ Нѣмецкое вліяніе, соединенное съ Французскою суетностію, сдѣлало изъ мыслящихъ людей оппозицію правительству; тамъ столько теорій, и всѣ такъ готовы къ теоріи, что не удивительно, если посторонній скажетъ: отчего же здѣсь нѣтъ никакой положительной теоріи?

Москва дрожжи Русскаго затора.

*

Тальони на Петербургской сценѣ, я ее видѣлъ въ Баядеркѣ и въ Востаніи. Въ первый разъ я не понялъ ея, сидѣлъ далеко и видѣлъ плохо; мнѣ казалось, по сценѣ скользитъ, и летаетъ, и кружится какое-то легкое, летучее, прозрачное существо. Во второй разъ я разсмотрѣлъ ее хорошо. Это женщина немолодыхъ лѣтъ, высокаго роста и около стана, который гибокъ какъ можетъ быть гибокъ станъ человѣческой, худоцава, но сильна, тверда и легка какъ пухъ. Она свободна и почти не чувствуетъ утомленія. Совершенство физическаго ея состава описать трудно, ноги ей послушнѣе, нежели намъ руки. Нѣтъ ни прыжковъ, ни пируэтовъ; во всѣхъ движеніяхъ простота, скромность и благородство, къ этому формальному совершенству дана ей граціозность, о которой трудно имѣть понятіе, не видавъ Тальони. Посмотрѣвъ ее разъ, вы получаете совершенно другое понятіе объ искусствѣ.

*

У меня былъ Головкинъ Иванъ Алексѣевичъ, товарищъ и одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ по университету. Я зналъ его какъ исправнаго студента, но далѣе этого я въ немъ не видалъ; мнѣ казалось, что онъ принималъ науку за тетрадь, знаніе за книгу, въ немъ было стремленіе къ безотлагательному ученію, въ немъ не было цѣли усовершенствованія, однимъ словомъ, я смотрѣлъ на него какъ на человѣка средней руки. Теперь я его увидѣлъ снова послѣ пяти лѣтъ: онъ опытниѣе, онъ подъ дѣйствіемъ человѣческой существенной жизни; онъ прямо нападаетъ на теорію, онъ признаетъ, что всякій секретарь (его слова) лучше профессора, по опредѣленности и пользѣ занятій, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ учитель (онъ вѣроятно разумѣлъ нашихъ). Это плохо, это показываетъ, что понятіе мое, какъ о студентѣ было справедливо. Съ другой стороны, мы уже различны съ нимъ и потому, что я въ Петербургѣ, а онъ въ Москвѣ; но Головкинъ добрый, благородный человѣкъ, которому дай Богъ хорошаго пути и достиженія

степеней, гдѣ такъ мало истинно-добрыхъ и благородныхъ людей. Вопросъ: не дѣлають ли эти степени всѣхъ людей такими, какими мы ихъ видимъ? Нѣтъ, измѣненіе по степенямъ есть признакъ посредственности. Не врожденны ли эти измѣненія въ человѣческой природѣ или не есть ли извлеченіе, измѣнчивость въ которыхъ? Но истинные люди есть тоже извлеченіе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ состояніи.

*

Я ничего не имѣю написать въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ; мой весь вечеръ провелъ у кн. Н. Д. О. Такъ иногда ничтожна самая продолжительная методическая скучная бесѣда. Эта святая княгиня, и больна, и несчастлива.

*

Образуется новое Министерство Государственныхъ Имуществъ, оно еще измѣнится; жалко видѣть эту огромную часть въ такомъ ничтожномъ видѣ. По направленію рутинны превосходительнаго канцеляриста все что ни будетъ, будетъ лучше. Киселевъ не показалъ себя великимъ художникомъ, но онъ уменъ, ловокъ и дѣятеленъ. Заведите машину, она найдетъ дальнѣйшій ходъ, укажетъ средства, обновленная жизнь найдетъ лучшее направленіе. Мы это видимъ по Удѣльному управленію. Что будетъ, то будетъ, но хуже бывшаго не можетъ быть. Что если бы теперь преобразовать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, эту огромную кучу всякой дряни, преобразовать полицію, особенно земскую, ввести болѣе правильный способъ раскладки и сбора повинностей, поставить болѣе независимый образъ дворянскихъ, городскихъ выборовъ, измѣнить порядокъ гражданскихъ службъ. Боже мой! Да мы поклялись бы тогда и за правнуковъ нашихъ не думать о конституціи. Это было бы такое великое дѣло, какого Петръ не произвелъ со своими преобразованіями и ужасными средствами. Теперь все въ зародышѣ; время разовѣтъ, способы созрѣють. Дай Богъ, чтобы энергія и независимость характера нашего Царя продлились долго, долго.... Никто такъ не дѣйствовалъ рѣшительно и самостоятельно и никто такъ много не сдѣлаетъ какъ онъ, первоначальникъ національной жизни, истинный государь вполнѣ монархической власти.... Но, Ваше Величество, болѣе искренности, болѣе безпристрастія, и еще болѣе независимости, еще болѣе самовластия... Чтобы угодить вамъ, не надобно угождать никому, даже себѣ. Богъ не себя любитъ, а всѣхъ.

*

Сегодня четырнадцатое Декабря 1837 года, ровно двѣнадцать лѣтъ бунту молодыхъ людей, сдѣлавшихся жертвою безотчетнаго предпріятія. Малая опытность должна была предупредить, что въ этой мысли не

достаеѣтѣ главнѣйшаго для проявленія въ жизни: готовности въ народѣ и недостатка средствъ. Мысль частная, принадлежащая нѣкоторымъ главамъ, которыя не принадлежали къ народу, мысль слишкомъ идеальная, и потому не созрѣвшая даже въ предположеніяхъ начинателей, эта мысль не удалась и не могла удасться, даже и тогда, когда бы бунтовщики имѣли за себя весь Петербургъ, потому что народъ не совершаетъ преступленія, а всякая революція, вышедшая не отъ правительства, есть преступленіе; потому что не было повода къ подобной реформѣ, и наконецъ потому, что общество не готово принять въ себя подобную мысль, взятую изъ книгъ и несовмѣстную съ Русскою имперією. Нѣкоторые говорятъ, что бунтъ четырнадцатаго Декабря осуждается потому, что онъ не удался; да, и по этому: удача есть вѣрный признакъ правильности, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, гдѣ случайность имѣетъ наименьшее вліяніе, именно въ дѣлахъ цѣлаго общества. Въ историческомъ отношеніи бунтъ четырнадцатаго Декабря чрезвычайно важенъ, въ политическомъ онъ не стоить и картечи. Я не могу понять, какъ могла подобная мысль имѣть хоть какое-нибудь вѣроятіе, если не объяснить попытку эту нашими Византійскими годами 1730, 1740, 1762 и 1801. Во всякомъ случаѣ конституція погубила бы силу, величіе и славу Россіи. Безъ просвѣщенія нѣтъ свободы, безъ свободы нѣтъ общаго мнѣнія, а безъ него нѣтъ конституціи.

*

Вечеромъ семнадцатаго Декабря я довольно поздно ѣхалъ отъ Клеопатры Др. домой. Было большое зарево, и толпился народъ, когда я былъ на Адмиралтейской площади; видно было, что пожаръ усилился и что онъ въ зданіяхъ зимняго дворца. Вся площадь покрыта народомъ, по улицамъ бѣжали полки солдатъ, дымъ покрывалъ небо, и площадь, великолѣпныя палаты Русскаго императора были объаты пламенемъ. Тысячи народу, вся полиція, полки гвардіи и все это могущество великаго государя, стояло и смотрѣло, какъ огонь пожиралъ колоссальное зданіе, наслѣдственный дворецъ державныхъ царей, въ которомъ цѣлый вѣкъ копилась и стекались драгоценности свѣта, расположенныя изящнымъ вкусомъ и оберегаемыя милліономъ цередворцевъ. На другой день по утру, часу во второмъ, я прошелъ мимо пожарища; пламя было внутри. Вечеромъ зрѣлище представляло ужасную картину. Темная ночь, огни караулень, цѣпи солдатъ и волны народа по краямъ: зарево было далеко, дымъ шелъ къ верху. Это громадное зданіе, обгорѣвшее и неподвижное, освѣщенное пламенемъ среди ночного мрака, къ всеобщему удивленію казалось какимъ-то очарованнымъ чудеснымъ замкомъ, гдѣ давался блестящій балъ волшебною силою. Но не было никого на этомъ пирѣ; изумленные зрители смотрѣли со

страхомъ на шумную пустоту, на это невидимое присутствіе духа-истребителя. Для меня это зрѣлище было какимъ-то символомъ могущества. Интердиктъ¹⁾, чтобы остановить потокъ огня, тогда какъ тысячи готовы отстаивать каждый шагъ съ пожертвованіемъ жизни, тогда какъ всѣ силы власти и образованности могутъ двинуться по одному мановенію. Стой, могущество человѣческое! Ты строило дивный храмъ сто годовъ, я истреблю его въ сто минутъ; ты собирало сокровища со всѣхъ краевъ, я пожру ихъ въ одно мгновеніе. Эти залы, гдѣ красовались владыки и великіе міра, сдѣлались пепелищемъ; эти стѣны, украшенныя ликами геніевъ, превращены въ развалины. Что же ты можешь, человѣкъ? Этотъ дворецъ не принадлежалъ царю, но царямъ, не имени, но достоинству, не времени, но вѣчности. Неужели, Государь, не было средствъ спасти его? Неужели точно сгорѣлъ зимній дворецъ? Говорятъ много, но много говорятъ глупаго.

*

Неужели статьи Полевого („Сынъ Отечества“) будутъ читаны съ тѣмъ же легковѣріемъ, какъ и прежнія его въ „Телеграфъ“, писанныя очертя голову, хотя искренно. Все достоинство ихъ—смѣлость, иногда переходящая въ брань, и почти всегда нетерпѣливое, самолюбственное умничанье дерзкаго, если не нахальнаго, журналиста; жаль, что ни онъ, ни публика не поумнѣли съ того времени, а послѣднія кн. „Телеграфа“, кажется, обѣщали болѣе осмотрительности со стороны издателя и болѣе строгаго требованія со стороны читателей. Подлый тонъ въ „Библиотекъ“ помѣшаетъ этому.

*

Когда народъ жалуется на правительство, онъ говоритъ о государѣ: *oh, s'il savait!* Когда толпа наводняетъ дворецъ и въ ярости своей встрѣчаетъ государя, она говоритъ: *on vous trompe*²⁾. Слѣдовательно, есть убѣжденіе въ націи, что государь желаетъ добра подданнымъ, что все зло отъ окружающихъ. Если бы министры дѣйствовали съ тою прямою и безразличіемъ, какія свойственны государямъ, никогда не было бы ни волненій, ни беззаконій. Нація любитъ государя, она никогда не возропщетъ на его власть; царская власть священна, тяжела власть подчиненныхъ. Это убѣжденіе есть уже сильная причина законности монархіи и естественности неограниченнаго правленія. Одинъ важный пунктъ представляется затрудненію, какъ уничтожить злоупотребленіе правительствъ, кого избрать посредникомъ между царемъ и исполнителями. Никого: всякое посредничество будетъ оппо-

¹⁾ Запрещеніе.

²⁾ Если бы онъ зналъ!—Васъ обманываютъ.

зицію. Надобно, чтобы исполненіе соотвѣтствовало волѣ, цѣли; надобно, чтобы отправленіе обязанности было строго совѣтливо; для этого не нужно посредничествъ; для этого нуженъ только болѣе вѣрный способъ выбора исполнителя, а это такая трудность, что я не осмѣливаюсь сказать ни слова. Тутъ кажется одно средство: гласность, публичность, назначенія по извѣстности, по мнѣнію общества и публичности служебныхъ дѣйствій.

*

Въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ былъ подрядчикъ Одесскій купецъ Маркусъ Борисовичъ Розенбергъ, Еврей, человекъ скромный, терпѣливый, предприимчивый, человекъ съ большимъ довѣріемъ, пользующійся уваженіемъ своихъ согражданъ; изъ всѣхъ Евреевъ онъ оказался честиѣйшимъ. Въ концѣ прошлаго года онъ подкупилъ цѣновщиковъ дома въ Одессѣ; подкупъ былъ открытъ по доносу жандармами, назначенные другіе цѣновщики сдѣлали новый подкупъ, новая соразмѣрная оцѣнка. Въ это время, по странному стеченію обстоятельствъ, началась въ Петербургѣ передѣлка съ Жидами. Изъ нихъ человекъ шесть отдано въ солдаты, многіе посланы, нѣкоторые сосланы, въ числѣ высланныхъ былъ купецъ Черноморскій, старикъ семидесяти шести лѣтъ, зажиточный и почитаемый. Онъ посланъ по этапамъ въ походъ на тысячу верстъ. Въ числѣ посланныхъ былъ Бромбергъ, котораго Евреи называли великій Бромбергъ, „ходатай за Божьяго народа“, выхлопотавшій Еврейскимъ солдатамъ святую субботу. Еврей дерзкъ, наглъ, строптивъ и обманщикъ, сколько можно судить по толкамъ и слухамъ; онъ посланъ въ Вятку; отданные въ солдаты назначены въ арестанскія роты: это замѣненіе Сибирской каторги. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ (началась передѣлка, кажется, съ дворцоваго пожара) перебрали Жидовъ, кажется, человекъ сорокъ. Въ это-то время открылось злоупотребленіе Маркуса Розенберга, которое почти было обычаемъ и которому поводомъ могла служить чрезвычайно несоразмѣрная оцѣнка домовъ въ Таганрогѣ, дававшая огромныя средства многимъ подрядчикамъ и особенно В. И. Бетхеру. Розенбергъ извѣстенъ государственнымъ людямъ, и арестъ его возбудилъ большое участіе; по высочайшему повелѣнію онъ долженъ былъ просидѣть три мѣсяца въ крѣпости, опубликованъ какъ человекъ неблагонамѣренный и посланъ въ мѣстожителство съ запрещеніемъ выѣзда въ обѣ столицы; это послѣдовало, кажется, 9 Февраля. Всѣ эти дѣла должны теперь потерпѣть сильное измѣненіе; можетъ быть, онъ не разорится, но во всякомъ случаѣ довѣріе его упадетъ. Дѣло было рѣшено безо всякаго суда. Можетъ быть, оно и судилось, но въ корпусѣ жандармовъ или въ Третьемъ Отдѣленіи; можетъ, оно рѣшено и справедливо но, великіе

міра сего, высшіе исполнители воли Государя, Ваше Величество, неужели на этомъ основывается благосостояніе любимой вами и любящей васъ націи? Неужели, отходя ко сну, вы спокойно закрываете глаза свои и въ уединенной бесѣдѣ съ совѣстью не чувствуете и окруженные безчисленными караулами не тревожитесь внутреннимъ голосомъ, и усыпляетесь притворною лестью вашихъ окружающихъ.

*

Четверть новаго года (я пишу 31 Марта 1838 года) политическая Европа начинается историческими событіями. Первое это есть борьба началъ монархическаго и демократическаго, возбужденная Іюльскою революціею и склоняющаяся постоянными мѣрами государей на сторону монархизма, умѣреннаго, законнаго, это правда, но чистаго, самостоятельнаго. Въ Англіи Канадское дѣло, на Перинейскомъ полуостровѣ междоусобіе, во Франціи измѣненіе Іюльскихъ мнѣній, въ Пруссіи Кѣльнскій вопросъ, въ Россіи и Австріи систематическое преобразование, въ Ганноверѣ новая конституція, въ Греціи утвержденіе правительства, въ Турціи и Египтѣ нововведенія и вопросъ объ отложеніи, всюду желѣзныя дороги, новыя оперы, усиленіе началъ въ дѣйствіяхъ, положительное знаніе, а съ ними и промышленность идутъ своимъ чередомъ.

*

Сегодня мой человѣкъ Іоаннесъ Думкопфъ объявилъ мнѣ, что оставляетъ меня. Причиною такого внезапнаго отказа мое неудовольствіе. Я какъ-то сказалъ ему, впрочемъ въ десятый разъ, что онъ говоритъ и отвѣчаетъ, смотритъ и ходитъ не по человѣчески, что онъ всегда такъ дурно одѣтъ и такъ звѣрски обращается, что я стыжусь за него, что всѣ замѣчаютъ это, что онъ срамитъ себя и, наконецъ, что онъ долженъ измѣниться, если хочетъ остаться при мнѣ. Я нанялъ его въ 1836 году въ Августѣ за 300 руб. въ годъ, помогалъ ему, наконецъ въ Сентябрѣ или въ Августѣ 1837 года прибавилъ ему 120 руб. И всетаки у него жена и сынъ, получаемаго жалованья ему недостаточно, къ тому же онъ Нѣмецъ, самолюбивъ до крайности, своенравенъ и высокаго о себѣ мнѣнія, поэтому онъ былъ дурной камердинеръ, но честный и здравомыслящій человѣкъ, портной и совѣтливый исполнитель. Этихъ качествъ трудно найти въ Русскомъ слугѣ. Посмотрю, но мнѣ очень жаль моего Dumkopfa. 23 Августа 1838 года.

*

Вчера былъ у меня Александровъ, товарищъ по гимназіи, бѣдный медикъ, прибывшій изъ Мезени искать мѣста. Онъ не имѣетъ ни квартиры, ни приличнаго дневнаго пропитанія. Я наговорилъ ему множество о затрудненіяхъ, о моемъ незавидномъ положеніи, общался

просить за него д. с. с. Майера, но себя потѣшить не захотѣлъ, братски съ нимъ моей сотни не раздѣлилъ, придти ко мнѣ обѣдать не пригласилъ. Я и теперь нахожу это невозможнымъ, хотя занимаю четыре комнаты, не чувствую большой нужды и искреннимъ участіемъ могъ бы облегчить его недостатки, хотя бы въ небольшомъ размѣрѣ. Это эгоизмъ, начало умѣнья жить, и вотъ демонія, причина бездѣятности моей жизни и, можетъ быть, зародышъ порчи, которую въ свѣтѣ называютъ обтершеюся опытностью. Предохрани меня, Боже! Я еще скрываю отъ самого себя многое, что несомнѣнно доказываетъ мой эгоизмъ, но я не испорченъ. Точно ли я не испорченъ?

*

По случаю ревизіи уголовныхъ законовъ подъ вѣдѣніемъ М. М. Сперанскаго и Д. В. Дашкова, ему поручено заняться критическимъ обзорѣніемъ проектовъ уголовныхъ уложеній 1753 и 1813 годовъ и сообразить, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезны преобразованія, въ этихъ проектахъ предполагаемыя. Обзорѣніе перваго сдѣлалъ онъ самъ, обзорѣніе втораго проекта поручилъ мнѣ.

Проектъ 1753 года, приготовленный къ высочайшему утвержденію, замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ; онъ составленъ послѣ неудачныхъ попытокъ полнаго уложенія съ упоминаніями соборнаго 1648 года, новоуказанными статьями, согласными съ ними генеральными рѣшеніями и заимствованіемъ въ отношеніи судопроизводства и администраціи изъ уложенія Шведскаго, а въ отношеніи правъ владѣнія изъ постановленій губерній Отзельскихъ.

*

Дѣло доктора Майера кончилось совершеннымъ успѣхомъ; оно принадлежитъ къ тому разряду, гдѣ представленіе дѣлается въ двухъ видахъ и при безмолвномъ утвержденіи толкуется въ пользу той стороны, которая хлопочетъ. А Энгельгардтъ сказывалъ мнѣ, что залоги, гибнувшіе у Александровича, принадлежатъ графу Чернышеву и дѣло обработано Якобсономъ въ этомъ смыслѣ.

*

Божусь вамъ Богомъ, что мы люди добры, но мы слабы. При недостаткѣ силъ крѣпость сообщается порядкомъ. Порядокъ есть душа жизни въ частномъ лицѣ, въ семействѣ и въ государствахъ.

*

Я безпрестанно попадаю въ бѣду и почти всегда по неосторожности, добровольно. Вотъ еще новый долгъ по милости князя Дмитрія Петровича Оболенскаго, и нѣтъ средствъ выплатить его, и ни одинъ изъ друзей и доброжелателей не хочетъ выручить меня изъ этой ничтожной, но для меня важной запутанности. Спасибо князю Дмитрію

и друзьямъ, и доброжелателямъ, это наука; но пригодится ли она къ чемунибудь? Какъ бы мнѣ хотѣлось сказать друзьямъ и доброжелателямъ: я былъ въ бѣдѣ, а вы меня не выручали. Я не хочу мстить или оскорблять ихъ за равнодушіе, но мнѣ хотѣлось бы сказать имъ это, чтобы избавить другого, можетъ быть, отъ такого же стѣсненія и хоть нѣсколько подавить это равнодушіе, которое, къ несчастію, съ развитіемъ круга дѣятелей и многостороннихъ нуждъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ приверженцевъ. Равнодушіе есть порча нашего счастья; всё несчастія наши были бы рѣже, меньше, если бы люди принимали другъ въ другъ участіе. Я не заслужилъ равнодушія ни отъ кого, ссуда моя сдѣлана болѣе по излишней готовности, нежели по неосторожности, еще менѣе по моей волѣ. Но это частный случай. Я говорю не о себѣ: я выпутаюсь.

*

Въ 66-мъ номерѣ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ (Вторникъ, Ноября 15 дня 1838 года) распубликовано высочайше утвержденная сентенція генераль-аудиторіатора о ссылкѣ на каторгу дѣйствительнаго студента Александрова по извѣстному дѣлу о покушеніи на жизнь Яковлева, чтобы получить отъ отца его два милліона рублей. Генераль-аудиторіатъ вошелъ въ разсмотрѣніе такихъ обстоятельствъ изъ преступной жизни несчастнаго, которыя вовсе суду не подлежатъ. Александровъ дѣйствительно извергъ, заслуживаетъ смертную казнь, но обратите вниманіе на побудительныя причины его злодѣйскаго замысла. Александровъ имѣлъ цѣлью обогащеніе. Онъ, по словамъ его, совершалъ злодѣянія безъ злого намѣренія, а единственно для того, чтобы вѣсти на себя важныя преступления и черезъ то быть представлену лично Государю Императору, для открытія извѣстной ему тайны. Александровъ незаконнорожденный сынъ, два раза вступалъ въ университетъ, два раза въ подкѣ, зимой провелъ ночь на плацу, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи и наконецъ рѣшился подѣ видомъ фельдъ-егера и съ подложнымъ высочайшимъ повелѣніемъ испугать старика Яковлева осужденіемъ сына его за заговоръ и предложеніемъ выпроводить мнимаго преступника за границу вынудить отца на пожертвованіе двухъ милліоновъ рублей. Товарищъ Александрова донесъ обо всемъ полиціи, и несчастный былъ схваченъ, къ счастью не совершивъ преступления. Товарищъ переведенъ въ канцелярію Государя. Старикъ Яковлевъ прислалъ ему довольно значительную сумму, все дѣло рѣшено такъ, что сослали Александрова на каторгу. И только? (Александровъ сидитъ, кажется, по жизнь въ Александровскомъ равелинѣ). Нѣтъ, это дѣло важнѣе, нежели думаютъ генераль-аудиторіатъ и семинаристъ писавшій его сентенцію. Рѣчь идетъ не о потерѣ убѣжденія въ святость христѣ-

анской религіи: Александровъ имѣлъ религію, онъ предпринималъ такое злодѣяніе, которое Русскій человѣкъ предпринимаетъ окрестя голову. Рѣчь идетъ не объ извергѣ человѣческаго рода; эти слова сказаны въ отчаяніи полоумнымъ студентомъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы обогатиться, о томъ, какъ удостоиться личнаго представленія Государю. Отчего явились эти желанія? Не отъ одной испорченности сердца Александра. Отчего онъ рѣшился привести умыселъ свой въ исполненіе? Правительство знало объ умыслѣ, правительство не должно было ожидать покушенія и потомъ награждать Галлера. Разберите эти желанія, не допустите несчастнаго до приступа: вы найдете, что эти побужденія, какъ они ни преступны, имѣютъ своимъ источникомъ пагубные примѣры быстрого обогащенія, иногда счастливыми и смѣлыми предпріятіями. чаще глупою случайностію, иногда даже не совсѣмъ благородными путями. Остановите этого заблудшаго несчастливца, отнимите отъ него поводъ и возможность къ злодѣянію. Онъ, можетъ быть, раскаялся бы, и генераль-аудиторіатору не пришлось бы декламировать. Я не правъ, я можетъ быть даже преступникъ въ мнѣніи нашихъ великихъ судей, имѣя такія понятія; но я внутренне убѣжденъ въ нихъ и если Богъ позволить мнѣ достигнуть какой-нибудь степени, я готовъ пожертвовать жизнію, чтобы искоренять или по крайней мѣрѣ уменьшать эти случайные способы обогащенія, такъ противорѣчащіе политической нравственности. Благодарность за обнаруженіе приговоровъ.

*

Вчера съ мнѣ возвращены мои письма („Русскія Письма“⁴⁾) отъ статсъ-секретаря Максима Брискорна. Кирѣевскій¹⁾ передалъ мнѣ, что Брискорнъ хотѣлъ доложить графу²⁾, что онъ автора сихъ писемъ не считаетъ полезнымъ для службы, какъ чиновника занимающагося отвлеченными предметами. Сочиненіе можетъ быть издано, но въ случаѣ какихъ бы то ни было замѣчаній, вся отвѣтственность должна упасть лично на автора и министръ не можетъ дать своего согласія на ихъ напечатаніе. Я было хотѣлъ объясниться съ Брискорномъ, но подумалъ: можетъ быть, Кирѣевскій лжетъ (за нимъ это водится), а потомъ, не ровенъ часъ: можетъ быть, угрожу на гауптвахту или получу вмѣсто отвѣта указъ о моемъ увольненіи. Пусть же мои Письма остаются до времени подъ спудомъ.

*

Въ 1832 году.... графъ Александръ Никитичъ Панинъ офиціально приглашалъ меня занять мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ по

¹⁾ Это не изъ Московскихъ Кирѣевскихъ. П. Б.

²⁾ Графу А. Н. Панину (человѣку, къ которому по безхарактерности его нельзя имѣть довѣренности).

каедрѣ словесности и учителемъ исторіи въ тамонней гимназіи. Въ 1838 году въ Ноябрь мнѣ предлагаютъ мѣсто совѣтника губернскаго управленія въ Курскѣ, гдѣ военнымъ губернаторомъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (человѣкъ, которому по безличному его характеру тоже нельзя имѣть никакого довѣрія). Я отказался и отказываюсь. Можетъ быть, мнѣ придется кончить карьеръ добрымъ столоначальникомъ: прекрасная перспектива, богатые виды!

*

Для меня понятны средніе вѣка. Я представляю ихъ въ видѣ Миланскаго собора: колоссальное зданіе, пестрое, дробное, все въ отдѣленіяхъ, въ корпораціяхъ. Дробность эта можетъ быть подведена подъ законъ, выраженный въ 31 и 32-мъ положеніяхъ моихъ Русскихъ Писемъ.

*

Скажите мнѣ, любезный Семень Мартыновичъ, чтоже вы дѣлали? Неужели вы не знали, что кромѣ Ксенофонта, кромѣ Грековъ и Латинновъ, есть еще люди? Неужели вы думали, что свѣтъ весь, молодой и старый, только и дѣлаетъ, что учится по-гречески, по-латыни, и также откровенны, какъ ваша Эллинская литература, также снисходительны какъ ваши нѣмыя книги. С. М. Ивашковскій родился около 1768 года въ Смоленской губерніи, учился въ гимназіи при Московскомъ университетѣ, изъ котораго вмѣстѣ съ Мерзляковымъ вышелъ, кажется, бакалавромъ, поступилъ учителемъ, сдѣлался докторомъ-профессоромъ и 1835 году уволенъ за штатомъ съ пенсіей по старому положенію. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы похлопотать о своемъ Греческо-Россійскомъ словарѣ и объ изданіи другихъ трудовъ своихъ. Ему обѣщали покровительство и вѣроятно ничего не сдѣлають. Труды его добросовѣстны, но не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію школь и педагогіи. Жалкій человѣкъ, вытертый изъ своей колеи, не понимающій ни свѣта, ни отношеній и, какъ прежде, человѣкъ самый не-самостоятельный, хотя простой и добрый.

*

1839 добрая княжна Наталья, кажется, выходитъ замужъ за сенатора князя А. П. Оболенскаго, бывшаго губернаторомъ въ Калугѣ. Не знаю, каковъ женихъ (онъ долженъ быть за пятьдесятъ пять лѣтъ), но княжна въ состояніи доставить истинное счастье всякому, какъ прекрасная женщина, умный другъ и кроткая жена. Многіе, которые съ улыбкою будутъ говорить объ этомъ бракѣ, позавидуютъ ему, если узнаютъ княжну, а можетъ быть и князя.

*

Новый графъ М. М. Сперанскій прислалъ къ директору департамента Министерства Юстиціи П. И. Дегаю довольно толстую тетрадь и планы работъ по составленію проекта законовъ наказательныхъ. Д-ръ Дегай написалъ по каждому отдѣленію докладъ (свои замѣчанія) и препроводилъ все къ М. М. К-у*), отъ котораго взялъ все я для прочтенія. Это важное дѣло, это труды нашихъ законодателей.

*

Мнѣ надо бы написать что нибудь о себѣ. Я забываю это очень часто, занятый моими дѣлами и семействомъ; мнѣ кажется, я теперь переживаю время перелома. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Погодите, мои прекрасные годы, я чувствую, что я не стою васъ. Тѣло мое отцвѣтаетъ прежде времени, не узнавъ даже преждевременныхъ наслажденій. Развѣ жизнь моя была не довольно строга, чтобы сохранить къ этому времени и крѣпость мышцъ, и силу темперамента? Отчужденный отъ семейства, при малыхъ средствахъ, съ горечью въ сердцѣ, въ противорѣчій съ дѣйствительностью, я видимо отстою отъ возвышенныхъ желаній и благородныхъ чувствъ, поддаюсь необходимости и не вѣрю уже случаю; скоро не буду ничему вѣрить и, охолодѣвъ къ идеаламъ, сживусь съ посредственностью. Богъ мой! Пошли мнѣ силъ, я слабѣю, я робѣю, я не довѣряю себѣ. Зачѣмъ же эти слезы, эта дрожь? Зачѣмъ же я такъ любилъ, что долженъ разлюбить, и готовился къ тому, чего нѣтъ для меня и не будетъ? Зачѣмъ же ты покидаешь меня, Минерва моя, мои Шеллинги, Гердеры, Асты, Эшенмайеры? А, я смѣняю васъ на Руамера, на Сея, на своды; я самъ измѣнилъ вамъ.

*

Уничтоженіе кнута не было своевременно, но его долженъ присудить одинъ Сенатъ и даже Государь. Полумѣра 1753 года могла быть только въ то время; но общее правило: никто не можетъ быть наказанъ кнутомъ, не будучи наказанъ тѣлесно. Введеніе столба позорнаго несомнѣнно съ нашимъ судопроизводствомъ и даже съ духомъ государственнаго права. Опубликованіе, подраздѣленное на степени есть важное средство. Исключеніе сословія отъ тѣлеснаго наказанія даже должно быть по многимъ отношеніямъ: городскіе обыватели не наказываются тѣлесно первый разъ, но при вторичномъ преступленіи плети. Сохраненіе гражданскихъ правъ при ссылкѣ допускается, но по минованіи опредѣленнаго срока. Работы должно раздѣлять на три степени, какъ по степени тяжести ихъ, такъ и по времени продолженія. Общія правила: высшее наказаніе постепенно уменьшается до *minimum*; ни одно вѣчное и долговременное наказаніе не должно быть одинаково.

*

*) Корніолинъ-Пинскому. П. Б.

Командиръ Гренадерскаго Корпуса генералъ Набоковъ въ отвѣтъ своемъ (15 Апрѣля 1834 года № 1974), г.-л. Шипову, который составлялъ проектъ положенія о перевозкѣ военныхъ тяжестей, сообщая требуемыя свѣдѣнія и исчисленія, прибавляетъ: „Главнымъ отягощеніемъ для жителей внутри Имперіи, при передвиженіи войскъ, есть самопроизвольное почти взиманіе обывательскихъ подводъ несравненно болѣе противъ указаго положенія. Совершивъ неоднократно таковыя передвиженія, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи, я могъ удостовѣриться, что въ первой странѣ таковыя злоупотребленія почти никогда не бывають, ибо за подводы платятъ прогонныя деньги и безъ оныхъ никто не имѣетъ права ихъ взимать; между тѣмъ какъ, напротивъ, въ послѣдней, всякій частный начальникъ при малѣйшей настойчивости беретъ столько подводъ, сколько ему заблагоразсудится. Проходъ войскъ весьма справедливо почитаютъ гибельнымъ нашествіемъ“. Я полагаю ограничить положеніе о перевозкѣ военныхъ тяжестей одними полками и командами, при которыхъ есть обозъ и подъемныя лошади; прочія команды требуютъ ближайшихъ соображеній, а въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

*

Графъ М. М. Сперанскій умеръ, бывъ болѣе сорока лѣтъ государственнымъ человѣкомъ и нѣкоторое время первымъ человѣкомъ въ Имперіи. Онъ оставилъ по себѣ славу преобразователя учреждений, опытнаго законодателя и составителя Свода Законовъ; онъ не успѣлъ довершить своего поприща: ревизія законовъ осталась въ первыхъ начаткахъ. Сперанскій принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ необыкновенныхъ выходцевъ, которые могутъ являться только при неравномъ образованіи націи и которые теперь становятся рѣже и рѣже. Онъ имѣлъ необыкновенный природный умъ, которому не доставало теорическихъ знаній и строгой логики; онъ все принаровлялъ и ко всему принаровлялся. Если бы образованіе его было дипломатическое, онъ сдѣлался бы Талейраномъ Восточной Европы. Но онъ не могъ быть ни Меттернихомъ, ни еще менѣе лордомъ Чатамомъ. Скрытный и уклончивый, онъ дѣйствовалъ рѣшительно только тогда, какъ былъ увѣренъ въ заступленіи власти, а не по убѣжденію въ истинѣ; стремясь къ почестямъ, онъ всегда остерегался произносить свое мнѣніе вполне и выжидалъ запутанностей, чтобы разинуть ротъ, работалъ темно и двусмысленно, чтобы не оскорбить никакой партіи и приготовить новый поводъ къ своей необходимости при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Но по своей опытности, по своему навыку, онъ принадлежитъ къ тѣмъ національнымъ гигантамъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ общее народное мнѣніе и потому, правъ или виноватъ, многое къ

славѣ, многое и къ безславію получалъ на свою долю изъ нововведеній и улучшеній. Какъ всѣ проискатели, отказавшіеся отъ положительнаго характера, но одаренные сильною сообразительностію и долговременнымъ изученіемъ, онъ много имѣлъ завистниковъ и преслѣдователей, былъ всѣми уважаемъ и нигѣмъ не любимъ. Какъ бы то ни было, но, и при этой черной сторонѣ его исторической жизни, онъ оставляетъ по себѣ вѣчную память. Говорять, мѣсто его занять въ Министерствѣ Юстиціи Д. В. Дашковъ, котораго я совершенно не знаю. Различные слухи не отвергають въ немъ большого ума, усидчивости и теоретическихъ познаній, но вмѣстѣ приписываютъ ему и такіе недостатки, которые не вяжутся съ достоинствомъ законодателя и государственнаго человѣка. Мѣсто Дашкова долженъ занять Д. Н. Блудовъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ присоединеніемъ военныхъ поселеній, внутренней стражи и ирегулярныхъ войскъ, говорятъ, будетъ П. А. Клеймихель.

П. А. Клеймихель сынъ генерала, бывшаго директоромъ кадетскаго корпуса. Онъ служилъ плацъ-майоромъ и обратилъ на себя вниманіе покойнаго Государя и Аракчеева, при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба по военному поселенію. Теперь онъ дежурный генералъ Главнаго Штаба Е. И. В., директоръ департамента поселеній, начальникъ строеній въ Петербургѣ и перестроеній губернскихъ городовъ, начальникъ телеграфной линіи и пр. и пр.; трудно исчислить всѣ обязанности отправляемыя имъ съ изумительною дѣятельностію и успѣхомъ. Онъ пользуется самымъ невыгоднымъ мнѣніемъ въ администраціи и обществѣ. Причиною этого, кажется, его поспѣшность и нетерпѣливость, его строгость и неувѣренность въ себѣ. Онъ никѣмъ не дорожить и считаетъ дѣло и удовольствіе Государя выше всего, выше закона, выше чловѣчества; онъ могъ бы все это сдѣлать и безъ пренебреженія закона и чловѣчества, и вѣроятно удовольствіе Государя тогда было бы еще признательнѣе. Чтò о немъ ни говорили бы, но ему, кажется, суждено быть однимъ изъ сильныхъ правителей, и конечно новое назначеніе распространить кругъ его дѣйствія и вліянія и дать ему возможность устроить ввѣренныя части проще, стройнѣе и въ ихъ отправленияхъ односложнѣе и быстрѣе; но надобно съ дѣятельностію соединять терпѣливость и быть вмѣстѣ строгимъ и кроткимъ. Я его знаю мало, но желалъ бы служить при его личности: мнѣніе и слухи меня не пугають.

*

Я читалъ романъ Лажечникова „Бусурманъ“. Зачѣмъ онъ взялъ опять историческій предметъ? Наша исторія еще слишкомъ молода для того; но этотъ романъ хуже двухъ первыхъ и притомъ изъ поспѣшной и неровной обработки, писанъ на заказъ. О правописаніи

и говорить нечего: это провинціальная оригинальность*); впрочемъ послѣднія части не безъ занимательности.

*

Статсъ секретарь А. Н. Мордвиновъ отставленъ отъ управления Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Говорятъ, что причиною немилости оплошное дозволеніе напечатать подъ портретомъ Марлинскаго: А. Безугуевъ. Я не думаю, что при этомъ не было другой важнѣйшей причины, но и эта (если онъ только позабылъ) не простительная ошибка: преступникъ, даже тотъ, которому позволено было издавать сочиненія, не долженъ имѣть преимущества народной картины; одно снисхожденіе на даетъ право для публичной привилегіи. Мордвиновъ престранной наружности и образа жизни; ни одинъ чело-вѣкъ не отзывался о немъ съ хорошей стороны, всякій боялся его по занимаемому имъ мѣсту, онъ считалъ себя непоколебимымъ, какъ хранитель тайнъ, которыя, право, гроша не стоятъ. Прошу покорно теперь расчитаться; на страшнаго чело-вѣка всякій наплюетъ, многихъ ожидаетъ подобная участь. Это чело-вѣкъ холодный и презрительный.

*

Сегодня цѣлый вечеръ сидѣлъ у меня полковникъ Николай Васильевичъ Аракчеевъ, двоюродный братъ графа, бывшій адъютантъ Милорадовича, съ которымъ онъ дѣлалъ кампаніи Аустерлицкую, Молдавскую, Отечественную и Заграничную. Онъ много рассказывалъ мнѣ о Кутузовѣ, Ермоловѣ, Михельсонѣ, Прозоровскомъ и др. Такъ какъ онъ рассказывалъ очень много, то вѣроятно много говорилъ неправды. Этотъ Аракчеевъ, бывшій нѣсколько разъ въ кабинетѣ у Императора, украшенный четырнадцатью крестами, живетъ теперь въ бѣднѣйшей квартирѣ, едва имѣетъ чѣмъ жить, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и ищетъ благосклоннаго знакомства вашего покорнаго слуги. Онъ хлопочетъ о назначеніи ему содержанія, если нельзя уже передѣлать несправедливое по его мнѣнію распоряженіе по духовной графа. Такова судьба свиты временщика, который въ своемъ родѣ былъ, кажется, послѣдній.

*

На дняхъ застрѣлились графъ Тормазовъ и г.-м. Обрадовичъ, какъ полагаютъ, за оскорбленное честолюбіе. Графъ Тормазовъ 32-хъ лѣтъ, богатъ, знатенъ; генеральъ Обрадовичъ 52-хъ лѣтъ, отецъ, мужъ. Оба передъ смертью составили завѣщанія, слѣд. причина ихъ самоубійства должна быть другая, а не безуміе; впрочемъ честолюбцы были и будутъ вездѣ и всегда. У насъ они должны быть рѣже, нежели гдѣ-нибудь: ни одно правительство не имѣетъ такихъ способовъ, какъ наше.

*) „Басурманъ“ Лажечникова напечатанъ безъ буквы з. П. Б.

*

Положеніе мое не улучшается, данныя мнѣ деньги на время освобождения отъ нужды меня, невѣстокъ, мать и брата. Здоровье мое лучше прежняго, но лѣта идутъ, планы рушатся, развитіе совершается медленнѣе, ничтожныя свѣдѣнія не замѣняютъ недостатка опытности.

*

„Кремневъ, Русскій солдатъ“ оригинальное драматическое представленіе, сочиненіе Русскаго инвалида Скобелева. Это не Кремневъ, это самъ генералъ Скобелевъ, побасенщикъ, балтунъ, хвастунъ и задира, это онъ! Всѣ прочія лица Скобелевъ; Скобелевъ Владимиръ, Скобелева Настя; генералу, кажется, хочется быть солдатомъ-дядькою Русскаго царевича. Ему дали крѣпость.

*

Актриса всегда будетъ актрисой, назовите ее княгиней, постригите ее хоть въ монахини. Я пишу эти строки послѣ длиннаго разговора съ княгинею Гагариной, бывшею Семеновою; надобно заставить ее рассказать свою біографію, конечно, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ: она была въ связи съ Императоромъ Александромъ. Но вотъ бѣда: актриса и здѣсь будетъ актрисою, навретъ и переверетъ, какъ я замѣчалъ это въ самыхъ ничтожныхъ разговорахъ съ нею. Попробуемъ. Она очень добра и любезна со мною, послѣднее время она, кажется, имѣла на меня виды: послѣдняя дочь ея Александра пѣвица и музыканша (она, кажется, простуха) 17 лѣтъ, я знаю ее какъ ребенка, не подававшаго никакихъ надеждъ, не получившаго хорошее воспитаніе, съ дурными привычками и, *par dessus le marché*—артистка!

*

Я вызывалъ Н. И. Греча на изданіе „Практическаго Словаря Дѣйствующихъ Законовъ“ обѣщаясь взять на свою отвѣтственность по крайней мѣрѣ четвертую часть статей. Для переговоровъ я былъ у него. Гречъ положительно отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, отзываясь удаленіемъ своимъ отъ всѣхъ спекуляцій и неумѣніемъ обращаться съ подобными предпріятіями. Гречъ вралъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ обратиться къ восхваляемому имъ Булгарину; словомъ, къ нему нельзя имѣть довѣрія, но попытка не шутка, спросъ не бѣда. Булгаринъ отличается столько же своею дѣятельностью, сколько перемѣнчивостью мнѣній.

*

Говорятъ, что въ зимнемъ дворцѣ отъ усиленной топки и новой штукатурки при Суворовской его отдѣлкѣ, Великая Княгиня на балу, на другой день послѣ брака, не могла снять шали: такъ искусили ее придворныя блохи.

*

1839 года тяжекъ и неудаченъ, хуже прежнихъ годовъ, хотя и тѣ были не легки и не счастливы. Я говорю не о физическихъ нуждахъ по случаю неурожая, не о пожарахъ и народныхъ волненіяхъ, не о возвышеніи цѣнъ, не о неблагоустроенномъ измѣненіи монетной системы, не о политическихъ дѣлахъ запутанныхъ духомъ партій и варварскою дипломатіею: я говорю о семьѣ Государя, о самомъ Государѣ. Что-то не ладится, не клеится въ начинаніяхъ его: жена, наслѣдникъ, дочь и самъ онъ часто больны; сгорѣлъ дворецъ, выстроили дурно, надо перестраивать. Государыня видимо измираетъ; наслѣдникъ, влюбленный, какъ говорятъ, въ фрейлину Калиновскую, не хочетъ и слышать о принцессѣ Дармштадской, притомъ простоватъ и не твердъ, болѣзненъ и не надеженъ; свадьба старшей дочери не одобрена ни однимъ царственнымъ родственникомъ: вздумали учить учить зятя по-русски, выборъ учителя палъ на глупого Тимковскаго.

Царевичъ Константинъ выходитъ изъ послушанія, его бьютъ, сѣкутъ и тѣмъ, можетъ быть, готовятъ строптиваго принца; князя Николая и Михайла едва не умерли; красавица Ольга страдаетъ; все семейство какъ будто заражено материнскою болѣзнію, сухоткой, чахоткой, слѣдами испуга четырнадцатаго Декабря. Ни одного поступка Императора не оставляютъ безъ охуленія, иногда довольно открытаго, разумѣется подъ именемъ правительства и министровъ. Преобразованное государственное имущество—неловко; начатое размежеваніе не исполнено; измѣненъ денежный курсъ—неудовольствіе; написанъ приказъ: „ребята“—насмѣшка; розданы великія милости—ревность, зависть, клевета. А эти высокіе торги съ ужасными надбавками на счетъ народной нравственности, съ ужасными наградами на счетъ будущихъ недоимокъ, а эти огромные расходы на дворцы и спектакли, на вояжи и маневры, а эти парады, разводы, ученія, мундиры, кантики, цетлички, а эти внезапныя возвышенія и униженія, произвольныя рѣшенія, поспѣшныя мѣры, неосновательныя преднамѣренія, растрата финансовъ, бездѣйствіе земской полиціи, пренебреженіе правосудія... Куда все это ведетъ и приведетъ насъ? Государь! Вы такъ высоки, что до Васъ не достигаютъ нужды наши; Вы такъ безкорыстны, что вполне вѣрите въ пользу Вашихъ дѣйствій; Вы такъ тверды, что преодолюте всѣ препятствія; Вы говорите: я хочу, и по Вашей волѣ все возникаетъ: дворцы, арміи, праздники, конгрессы, системы. Но, Государь, Вы человѣкъ, слѣдовательно подвержены ошибкамъ. Но, Государь, исполнители Ваши министры, люди со страстями, интересами и пороками. Государь, устройте Ваше правительство такъ, чтобы оно во-первыхъ рѣже и меньше ошибалось, во-вторыхъ не оскорбляло націи произвольными поступками; въ третьихъ не угнетало ея скрытными и явными злоупотребленіями. Если Вы считаете

себя неограниченнымъ, а министровъ Вашихъ достойными, умными и благонамѣренными, оставьте неограниченность Вашу во всей полнотѣ и неприкосновенности, но устройте правительство и дайте настоящую, а не на однихъ словахъ силу этого благоустройства. Никто не ропщетъ на Вашу власть, но можно ли не роптать на легіонъ властолюбцевъ дѣйствующихъ беззасорно подъ прикрытіемъ Вашего имени? Государь, Вы можете умереть, а наслѣдникъ Вашъ далеко не можетъ выполнить великихъ Вашихъ обязанностей; Вы можете приказать, исполнители Ваши переиначить, и въ видахъ Вашего личнаго интереса, Вашего величія и славы, уваженія и довѣрія къ Вашимъ предначертаніямъ, надобно постановить какой нибудь непреложный законный порядокъ и утвердить Вашу власть, Вашу правду общимъ мнѣніемъ. Это не конституція, не хартія, не ограниченіе, но добровольное съ Вашей стороны повиновеніе даннымъ Вами законамъ. Государь, Ваши Сенать и Синодъ трактуютъ дѣла въ докладахъ и подписываютъ рѣшенія приготовленныя, Вашъ воинскій штатъ давитъ націю своимъ расходомъ, своими насиліями и своею исключительностью. Ваша администрація отдѣляетъ общую пользу отъ казенной и подъ предлогомъ послѣдней стѣсняетъ частную на счетъ личной. Ваши суды суть торжища, Ваши награды беззаконія любимцевъ. Государь, законодательство покоится на умѣ и опытѣ; войско есть только второстепенное орудіе внутренняго порядка и внѣшняго безопасности; администрація наша Русская есть распоряженіе общимъ добромъ, а не казеннымъ; суды суть ручательство правосудія и внѣшняго благосостоянія. Государь, дайте законамъ больше извѣстности и всѣмъ актамъ больше публичности, дайте войску опредѣленное значеніе. Дайте администраціи уставъ служебный, дайте судамъ болѣе достоинства и закону болѣе дѣйствительности. Государь, бывають времена, когда мы каемся въ нашихъ ошибкахъ, но уже поздно, поздно; когда мы со слезами просимъ: все исполню, чего хотите, но уже ничего не просятъ, а только мстятъ, отплачиваютъ, казнятъ. Зачѣмъ, Государь, Вы не упрочите Вашей славы и силы любимой Вами Россіи?*)

*

Я было хотѣлъ предаться сатанѣ, но не предался, потому что не нашель дороги. Откроется; можетъ быть, предамся. Но я или пере-

*) Этимъ напоминаетъ полѣвка позднѣе писанное И. С. Аксаковымъ:

Ваше царство пасть готово,
Ваше благо вредъ и ложь,
Вашъ законъ пустое слово,
Ваша дѣятельность тожь.

См. его Стихотворенія, изданіе посмертно. П. Б.

маню сатану, или проведу его. А если напротивъ? Но укрѣпи меня, Господи!

*

Мы очень ошибаемся, думая, что Луи-Филиппъ король-гражданинъ и подъ исключительнымъ вліяніемъ либераловъ, которые безпрестанно мѣняютъ его министровъ. Луи-Филиппъ правитель самостоятельный и въ своихъ мнѣніяхъ совершенно независимый, подчиняясь (и то принужденно) формамъ конституціи только въ отправленіи своихъ прерогативъ. Ему нужны не министры, не совѣтники, но орудія, слѣпые исполнители его воли, которые бы покрывали его виды или историческимъ именемъ, какъ маршалъ Сультъ, или ораторскимъ талантомъ и ловкою деалектикой, какъ Тьеръ, или наконецъ личною привязанностію, какъ Монталивье; онъ швыряетъ ими какъ слугами и требуетъ для своего совѣта авторитетъ имени и отсутствіе непремѣнныхъ началъ. Луи-Филиппъ не нарушаетъ хартіи 1830 года, но онъ дѣлаетъ все, что можетъ умѣрить его ограниченіе, укротить либеральное стремленіе и распространить независимость его власти. Луи-Филиппъ монархъ самодержавный и характерный.

*

Мнѣ хочется написать „лѣтопись современнаго царствованія“, написать ее сперва вкратцѣ безъ лести и декламации, по моему понятію объ историческомъ изложеніи, безъ искусственной систематики, въ четырехъ отдѣленіяхъ: 1) Пребываніе Государя. 2) Дѣла внутреннія (по вѣдомствамъ и общимъ событіямъ). 3) Дѣла внѣшнія и 4) Литература и искусство. Лѣтопись должна обнимать время съ Декабря 1825 по 1 Января 1840. Я не знаю, исполню ли я это предпріятіе, т. е. найдется ли издатель. Все сочиненіе можетъ быть въ тысячу страницъ безъ приложений и кончиться въ продолженіе двухъ лѣтъ и даже гѣда, смотря по способамъ. Нельзя ли привлечь къ нему высокихъ покровителей подъ предлогомъ благотворительной цѣли съ нашей стороны и преданности современному царствованію съ ихъ стороны, напр. графа Бенкендорфа, а еще бы лучше герцога Лейхтенбергскаго или Наслѣдника?

*

Вотъ уже года два какъ я бьюсь съ моею графинею Сальясъ и все безъ толка. Мнѣ хочется написать въ родѣ Адольфа, но не такъ сухо, и Валеріи, но не такъ страстно*), какъ Валерія; представить молодую особу, вышедшую или отдавшуюся замужъ за стараго гене-

*) „Адольфъ“ романъ Бенжамена Констана, не задолго передъ тѣмъ вышедшій у насъ въ переводѣ князя П. А. Вяземскаго, а „Валерія“, давнишнее сочиненіе баронессы Крюднеръ. П. Б.

рала, который не могъ доставить ей счастья любви, но доставилъ ей имя, родство и состояніе, съ которыми *новая* графиня вступила въ другія отношенія, противоположныя съ ея прежними. Она хочетъ имѣть фізіономію въ безличномъ свѣтѣ и дорожить своею самостоятельностью и свободою въ томъ кругу, гдѣ приличія и условія связываютъ каждаго по рукамъ и по ногамъ. Она бросилась въ политику и хочетъ имѣть силу; она запутывается, и неудачи заставляютъ ее отказаться отъ политики и испытывать притѣсненія; она обращается къ литературѣ и хочетъ быть талантомъ, но это поприще для нея тѣсно и не избавляетъ ее отъ прежнихъ гоненій; тутъ узнаётъ ее молодой человекъ и дѣлается ея другомъ. Онъ требуетъ любви, она боится потерять свободу. Она высылается изъ Парижа и пр. пр. Но я до сихъ поръ не улажусь ни съ развитіемъ характеровъ, ни съ обстановкою. А мнѣ хочется что нибудь написать.

*

3 Ноября 1839 года въ Гюлистанскомъ кіоскѣ, въ присутствіи военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновъ Оттоманской Порты, дипломатическаго корпуса и большого стеченія народа, молодой султанъ Абдуль-Мешитъ приказалъ обнародовать важный гаттишерифъ объ управленіи государства. Полагая надежду нашу, сказано въ немъ, на покровительство Всевышняго, на обѣтованіе Пророка, мы признали за благо дать нашей имперіи посредствомъ новыхъ установленій правильныя управленія. Сіи установленія должны заключать въ себѣ 3 главныя основанія: 1) Условія для охраненія жизни, чести и имущества нашихъ подданныхъ. 2) Правильный порядокъ опредѣленія и сбора налоговъ. 3) Правильный порядокъ рекрутской повинности и продолженія военной службы. Поэтому, дѣло всякаго виновнаго отнынѣ будетъ судимо публично, сообразно съ нашимъ божественнымъ закономъ, послѣ слѣдствія, разсмотрѣнія, и безъ правильнаго суда никто не можетъ ни секретно, ни публично казнить другого, ни отравленіемъ, ни другимъ наказаніемъ. Никто не имѣетъ права оскорблять честь какого-то ни было лица. Всякій будетъ владѣть и располагать своимъ имуществомъ совершенно свободно, такъ напр. невинные наслѣдники преступника не будутъ лишены ихъ законныхъ правъ, и имѣніе преступника не подлежитъ конфискаціи. Эти преимущества распространяются на всѣхъ подданныхъ имперіи безъ всякаго различія вѣроисповѣданія. Въ залогъ обѣщанія, по положеніи этого акта въ залѣ ризъ Пророка, султанъ, призвавъ въ свидѣтели Бога и Магомета, въ присутствіи улемовъ и чиновъ имперіи, клялся сохранять эти установленія. Улемы и высшіе чины повторили клятву. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта тѣнь конституціи есть дѣло западной политики и противодѣйствія Русскому вліянію въ

Турціи. Актъ составленъ и написанъ поспѣшно, не въ духѣ Востока и, какъ кажется, съ принужденіемъ правительства. Толку не будетъ. Что скажетъ объ этомъ Мехметъ-алі, что напишетъ Русскій посланникъ?

*

Генераль-адъютантъ Перовскій, отправляясь въ экспедицію противъ Хивы, издалъ декларацію, въ которой, исчисляя оскорбительные поступки Хивинскаго хана, опредѣленно говоритъ, что отрядъ войска идетъ для установленія въ ханствѣ надлежащаго порядка и возвратится въ Оренбургъ по достиженіи этой цѣли: это значить, мы завоюемъ Хиву и оставимъ тамъ свой гарнизонъ, возвѣстимъ о безопасности пути всей внутренней Азіи и установимъ непосредственное и постоянное сообщеніе съ Бухарой и даже съ Индіей; да знаютъ объ этомъ Азія и Англія! Перовскій выступилъ 21 Ноября. Доброжелатели знаменитаго генераль-адъютанта распускають, что на другой день термометръ Реомюра показывалъ въ Оренбургѣ 30°; гадають объ неудачѣ предпріятія и о ничтожныхъ послѣдствіяхъ его въ случаѣ самой удачи. Во-первыхъ, Перовскій не изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ очертя голову, и конечно взвѣсилъ свои способы, узналъ мѣстность и увѣренъ въ успѣхѣ. Это рѣшительный и твердый начальникъ, любимецъ Царя, умный, славолюбивый и самостоятельный. Онъ не уважаетъ секретарей министровъ, имѣетъ много враговъ, завистниковъ и не предприметъ ничего ко вреду своей репутаціи и данныхъ обѣщаній. Во-вторыхъ, важность экспедиціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, даже въ случаѣ неполнаго успѣха и даже въ совершенной безуспѣшности. Хива богата, разбой и плѣны ея дѣйствительно оскорбляютъ достоинство Имперіи и вредны для нашей Азіатской торговли. Можно бы было сказать нѣсколько словъ объ избранномъ пути: почему экспедиція не отправлена съ Восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, откуда войска могли бы дойти въ полмѣсяца къ Хивѣ и гдѣ торговая дѣятельность чрезъ Трухменцевъ была прежде очень значительна? Но вѣроятно Перовскій имѣлъ свои резоны; ему нуженъ чистый путь изъ Хивы въ Оренбургъ; во-вторыхъ, на Каспійскомъ морѣ нѣтъ достаточныхъ судовъ для перевозки десанта, и въ третихъ высадка войскъ на этомъ мѣстѣ могла бы возбудить безпокойство и опасеніе во всѣхъ прибрежныхъ племенахъ даже до Персіи.

*

Сидя дома и больной капризомъ, въ перемѣнныхъ размышленіяхъ объ избраніи рѣшительнаго пути по службѣ, то по V-му, то по II-му Отдѣленію, то наконецъ по Министерству Юстиціи, гдѣ съ графомъ Панинымъ ожидаются необходимыя преобразованія, я съ отчаяніемъ въ успѣхѣ снова обращаюсь къ мысли: писать исторію, бросаю службу,

удинясь въ деревнѣ и запасясь хорошей библіотекой. Мнѣ кажется, я напишу исторію, исторію въ моемъ смыслѣ, безъ разсужденій, безъ воззрѣній, исторію полную, основанную на первыхъ источникахъ, обработанныхъ великими писателями, исторію обширную во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ народной жизни. Но мнѣ не достаетъ знаній, не достаетъ деревни, не достаетъ библіотеки. Чувствованіе недостатка есть одинъ изъ первыхъ признаковъ посредственности. Геніальная голова имѣетъ все въ себѣ. Хоть бы написать монографію.

*

1840. И еще новый годъ провожу я одинъ-одинехонекъ, но мнѣ уже не грустно, даже не странно, даже не замѣтно. Приучись! Я буду идти прежнимъ мирнымъ шагомъ, по прежнему ожидать. по прежнему убивать себя въ бездѣйствіи и глупыхъ надеждахъ. Укрѣпи меня, Господи, примири меня съ дѣйствительностью и вразуми въ идеалы!

Я имѣлъ отъ Пинскаго практическую работу—разсмотрѣніе уголовнаго дѣла Стаховскаго и Липскаго. Моими соображеніями онъ былъ совершенно доволенъ. Мы сидѣли за полночь и говорили о дѣлѣ, о бездѣліи, обо мнѣ. Онъ снова обѣщался устроить мою службу по Министерству Юстиціи, при графѣ Панинѣ. Это была бы хотя одна надежда, похожая на быточное, я много ожидаю отъ этого молодого министра, но не желаю представиться ему по одной рекомендаціи графа Александра*). Безъ рекомендацій!

*

Я сейчасъ съ лекціи Греча. Публики много и большая часть хорошей. Гречь говоритъ дурно, читаетъ еще хуже и, оставъ въ понятіяхъ и самомъ выраженіи отъ современности, докучаетъ чтеніемъ своей грамматики и похвалами общими и бессмысленными нашихъ Корифеевъ. Вторая часть его состоитъ изъ чтеній о литературѣ.

*

П. Корсаковъ (цензоръ, братъ попечителя здѣшняго университета) и морской офицеръ Бурачекъ предпріяли изданіе неопредѣленнаго журнала „Маякъ“, котораго теперь вышло нѣсколько книжекъ. Издержки принялъ на себя книгопродавецъ Поляковъ. Изданіе замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: по искренности и добросовѣстности мнѣній и сужденій и по простотѣ, даже простонародности, изложенія философско-практическихъ и критическихъ статей, которыя писаны, кажется, Бурачкомъ. Искренность хороша, но въ ребенкѣ; во взросломъ, въ журналистѣ она должна быть соединена съ глубиною понятія и проницатель-

*) Т. е. графа Александра Никитича, старшаго брата молодому министру. П. Б.

ностью во взглядѣ, чтобы быть поучительною, а не забавною, даже смѣшною. Что мнѣ въ вашей искренности, если я ничего не могу извлечь изъ нея, если она такъ обыкновенна, такъ тѣсна, что повтореніе ея дѣлается пошлымъ, скучнымъ, невинно-глупымъ. Добросовѣстность всегда похвальна, но она въ „Маякѣ“, сколько я могу судить, очень подозрительна, по крайней мѣрѣ не всегда выдержана; критическія статьи наполнены преувеличенными похвалами, простота изложенія соединена съ какимъ-то шуточнымъ простонароднымъ тономъ, который болѣе вредитъ достоинству предмета и впечатлѣнію его, нежели упрощаетъ понятіе и сближаетъ ученныя идеи съ общественнымъ разумѣніемъ. Есть что-то юмористическое; но въ предметахъ ученыхъ и особенно нравственныхъ юморизмъ похожъ на шута, который приторенъ и надобливъ въ серьезныя минуты. Вообще въ Бурячкѣ мало опытности. Но „Маякъ“ добросовѣстнѣе всѣхъ нашихъ журналовъ.

*

Съ назначеніемъ графа Протасова оберомъ-прокуроромъ Св. Синода началось преобразование духовнаго управленія, во-первыхъ, тѣмъ, что оберомъ-прокуроромъ сдѣланъ лейбъ-гусарскій полковникъ и при немъ за столомъ три камергера: Муравьевъ, извѣстный писатель духовныхъ книгъ, Скрипицынъ, успѣшно производившій слѣдствія о раскольникахъ, и Войцеховичъ, которому отдана въ исключительное завѣдываніе канцелярія Синода. Во-вторыхъ, учреждена канцелярія оберъ-прокурора (съ директоромъ, очень умнымъ человѣкомъ, Сербиновичемъ и вице-директоромъ Франкомъ), хозяйственное управленіе съ контролемъ (директоръ Новосильскій) и преобразована комиссія училищъ въ духовно-учебное управленіе (директоръ Карасевскій). Въ третьихъ, составлено новое положеніе о консисторіяхъ; въ четвертыхъ, изданы законы церковные или Кормчая Книга и готовится Историческая догматика, и въ пятыхъ, вездѣ вводится лучшій порядокъ, и православіе, принявъ въ себя унию, значительно распространяется и утверждается. Графъ Протасовъ пользуется очень невыгоднымъ мнѣніемъ и значить что-нибудь, потому что онъ зять едва-ли не единственнаго Русскаго боярина Д. В. Голицына. Но выборъ людей графомъ оспариваетъ это мнѣніе; онъ возвысилъ Синодскую службу и даже предполагаетъ печатать свои отчеты. Публичность есть первый признакъ хорошаго состоянія части, хотя бы отчеты имѣли такой видъ и ходъ, какъ вообще всѣ наши публичные акты.

*

Начальникъ уголовного отдѣленія обезпеченъ: онъ въ центрѣ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ Имперіи, онъ докладываетъ министру. Я этого-то и искалъ. Одно опасеніе работы меня задавить. Пинскій не

откажется помочь мнѣ, но мнѣ бы хотѣлось обойтись безъ чужой помощи, и неужели я не преодолѣю? Прямота много вредила мнѣ, но теперешнее назначеніе развѣ не за прямыя труды, а я измѣнюсь вотъ въ чемъ: буду не такъ искрененъ, не такъ довѣрчивъ, какъ прежде.

*

9 Января (1841 года) я вступилъ въ управленіе Отдѣленія и имѣлъ докладъ у графа Панина, не совсѣмъ удачный, можетъ быть потому что ничтожный. Графъ очень благосклонно слушалъ меня, довѣрчиво подписывалъ бумаги. Государь Императоръ, подчинивъ департаментъ Государственныхъ Имуществъ управленію временнаго Совѣта, высочайше повелѣлъ произвести по дѣламъ ревизію на основаніи составленной для этого инструкціи. Ревизія возложена на сенатора Болгарскаго и ген.-адъютанта барона Делингстаузена, на мѣсто котораго впослѣдствіи назначенъ ст.-секретарь князь Голицынъ, и по представленіи послѣдствія ея Государю, приказано истребовать отъ управлявшаго департаментомъ тайнаго совѣтника Дубенскаго объясненій. По представленіи сихъ объясненій черезъ министра государственныхъ имуществъ Государю, приказано препроводить ихъ къ министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату. Графъ Киселевъ очень деликатно сообщалъ требуемыя Сенатомъ свѣдѣнія. Это дѣлаетъ честь его ловкости. Но замѣчательно, что впослѣдствіи онъ отказался. Не попадетъ ли процессъ Дубенскаго ко мнѣ въ руки? Дамъ ли я ему новое значеніе и направленіе? Можетъ быть. Дѣло Дубенскаго поручено мнѣ.

*

Вчера я обѣдалъ и провелъ замѣчательный вечеръ у А. В. Абазы: генераль Дѣстремъ, графъ Бобринскій, баронъ Мейндорфъ, путешествующій двѣнадцать лѣтъ по Америкѣ Кремеръ, полковники Мельниковъ и Языковъ, академикъ Гессе, все техническіе люди собрались у радушнаго хозяина поговорить, и прекрасно говорили о душѣ сообществъ, *esprit des associations*, оспариваемомъ отчасти Мейндорфомъ и совершенно Кремеромъ. Защищали Гессе и особенно Бобринскій. Это былъ цвѣтъ нашихъ промышленныхъ теоретиковъ, и разговоръ ихъ на Французскомъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ еще ново, незрѣло и подражательно это знаніе въ нашемъ обществѣ.

*

Мнѣ очень нравится вице-директоръ В. П. Пальчиковъ; это превосходный человѣкъ, умный, чувствительный и образованный, но онъ не законникъ. Я, судья, не могу судить другого по моимъ убѣжденіямъ и дѣлать ихъ для него правилами, это было бы произволомъ. Для суда

даны законы, обязательные для судьи и подсудимаго. Не знаю, постоянъ ли графъ въ своихъ расположеніяхъ, но въ теперешнемъ его вниманіи, и даже признательности, я могу опасаться только собственной вины, а не его переменчивости. Много хорошаго можно ожидать отъ его прилежнаго и дѣятельнаго управленія. Графъ занятъ съ утра до ночи, онъ весь день въ работахъ.

*

Я читалъ сегодня записку на Французскомъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, представленную Государю о крѣпостномъ правѣ и его отмѣненіи, важную по автору и лицу, которому она представлялась. Это Французская декламация, гдѣ, разумѣется, есть хорошія мысли, особенно хорошія фразы. Сколько я понялъ изъ бѣлаго чтенія, авторъ, хотя находитъ, что право это, существующее *de facto*, не имѣетъ точнаго судебного основанія, но тѣмъ не менѣе составляетъ одно изъ основныхъ началъ Русской жизни. Указы Ѳедора Іоановича, Годунова и Шуйскаго онъ называетъ *spéculations d' antiquaire*. Неограниченная власть и прочное учрежденіе крѣпостнаго права, ей соотвѣтствующее, утверждены Петромъ. И тому и другому Россія обязана быстрымъ развитіемъ своего могущества, о которое раздробилось величіе Наполеона. Г. Уваровъ признаетъ отмѣненіе крѣпостнаго права невозможнымъ безъ потрясенія власти. Надобно ожидать всего отъ времени. Крѣпостное право неправомѣрно—это несомнѣнная истина; оно должно быть отмѣнено—противъ этого никто не спорить; но и то, и другое, будучи истинами теоретическими, не должны проявляться въ жизни безъ приготовленія. Чтобы народъ могъ получить свободу, надобно, чтобы онъ ею пользовался и былъ приготовленъ къ тому (г. министръ хочетъ сказать, что законъ объ освобожденіи крестьянъ *de jure* можетъ и долженъ быть, когда это освобожденіе совершится въ самой жизни, *de facto*); истинная свобода есть правосудіе, хорошее управленіе, добрая паства и просвѣщеніе. Явно, что г. Уваровъ не имѣлъ юридическаго воспитанія. Таковы журнальныя сужденія нашихъ государственныхъ людей! Говорятъ, что записка Уварова не понравилась Государю, и онъ въ нынѣшнемъ комитетѣ не участвуетъ.

*

Много ожидаютъ шестнадцатаго Апрѣля (1841 г.), дня бракосочетанія Наслѣдника съ княжною Дармштадскою. Хотя Государь нашъ одинъ изъ такихъ людей, для которыхъ достоинство власти и правительства есть святое дѣло, но нельзя, чтобы ожидаемая милости не были подчинены двумъ конькамъ нашего времени: больше общать, нежели исполнить, больше сказать, нежели сдѣлать, общать и сказавъ громко и пышно, сдѣлать мало существеннаго, внутренне-хорошаго, а

болѣ мнимаго и наружнаго, по очень ясной причинѣ, по строгости мѣръ политическихъ и недостатку средствъ денежныхъ. Разумѣется, будутъ значительныя пожалованія, чинами, орденами и достоинствами, будетъ прощенье ничтожныхъ (неполитическихъ) преступниковъ, складка небольшихъ долговъ и недоимокъ, богатѣйшая иллюминація, роскошные спектакли, праздники и парады, трата денегъ и еще болѣ забвенія о важнѣйшихъ требованіяхъ народа. Молодая цесаревна вступила въ царственную семью нашу, дай Богъ имъ счастья! Дай Богъ счастливаго царствования Государю и подданнымъ. Милостей множество общихъ и личныхъ. Изъ первыхъ замѣчательны всепрощенье преступниковъ неважныхъ и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ безъ изъятія, прощенье податей за половину 1840 года неурожайнымъ губерніямъ и взысканій, какъ въ манифестахъ прежнихъ. Изъ вторыхъ пожалованіе въ князья графа Чернышева, въ свѣтлѣйшіе князья Д. В. Голицына и въ первый классъ князя А. Н. Голицына. Графъ Панинъ тайнымъ совѣтникомъ и утвержденъ министромъ. При этомъ обнародована общая благодѣтельная мѣра о новой оцѣнкѣ имѣній. Пора бы давно и еще болѣ возвысить цѣну; кажется, можно бы было, увеличивъ размѣръ, раздѣлить губерніи не на три, а по крайней мѣрѣ на двѣнадцать классовъ, это было бы основаніе ко введенію кадастраціонныхъ оцѣнокъ. Вообще самъ манифестъ есть мѣра благодѣтельная въ томъ отношеніи, что очиститъ суды отъ безчисленнаго множества дѣлъ уголовныхъ по взысканіямъ и недоимкамъ. Положеніе объ устройствѣ безсрочно-отпускныхъ въ казенныхъ селеніяхъ есть тоже важная мѣра. Жалѣютъ, что ничего не сдѣлано для политическихъ преступниковъ, особенно несчастныхъ четырнадцатаго Декабря. Ожидали, что что-нибудь сдѣлаютъ для дѣтей ихъ.

*

Графъ В. Н. Панинъ принадлежитъ къ числу немногихъ даровитыхъ и владѣющихъ теоретическими и практическими свѣдѣніями государственныхъ людей нашихъ*): онъ имѣетъ превосходный многообъемлющій умъ, вѣрный взглядъ и характеръ въ высочайшей степени независимый. Присоедините къ этому его любовь къ труду, желаніе все сдѣлать, видѣть, знать самому, его отчетливость и почти тщеславность въ резолюціяхъ на важнѣйшіе доклады, и вы будете имѣть понятіе о молодомъ генераль-прокурорѣ. Служба моя во всѣхъ отношеніяхъ превосходна.

*) Обучался въ Іенѣ подъ завѣдываніемъ Гѣте, который получалъ за то деньги изъ Москвы съ Б. Никитской, отъ графа В. Г. Орлова (слышано отъ М. И. Топильскаго). П. Б.

*

Сосланный въ Сибирь чиновникъ Г. Д. Штромъ, опредѣлившійся тамъ впоследствии на службу и снова отъ нея удаленный (М. М. Сперанскимъ), сообщилъ разныя замѣчанія о неудобствахъ учрежденія въ нынѣшнемъ ея управленіи. Замѣчанія сіи, разсмотрѣнныя министрами Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи, вообще признаны не заслуживающими уваженія, но нѣкоторыя обратили на себя вниманіе и приняты въ соображеніе.

Графъ В. Н. П. говорилъ со мною о предоставленіи тюремнаго надзора во Франціи духовнымъ конгрегаціямъ. Это естественно привело насъ къ разговору о религіи въ народѣ. Графъ полагалъ, что привычка въ этомъ случаѣ есть первое основаніе нравственности; я же находилъ, что привычка можетъ быть дѣйствительна въ отношеніи низшаго класса, доколѣ онъ не просвѣщенъ, и служить основаніемъ предубѣжденій и самыхъ предрасудковъ. Графъ приводилъ католическія государства Германіи, я—Францію. Мы не совсѣмъ условились о чемъ говорили: я о религіозномъ чувствѣ, о нравственности, а графъ думалъ о христіанствѣ; мы говорили безъ приложенія нашихъ понятій къ какому-либо народу. Графъ приводилъ примѣры. Нѣтъ, я жалѣю, что высказался, но еще болѣе, что выразилъ не вполне мысль мою. Графъ могъ подумать, что я атеистъ или по крайней мѣрѣ пантеистъ, тогда какъ, признавая христіанство чистѣйшимъ выраженіемъ нравственности, я полагаю только, что не форма и обряды (привычка) могутъ наставить душу человѣка къ дѣламъ богоугоднымъ, но убѣжденіе въ достоинствѣ и пользѣ нравственнаго ученія.

*

Судъ надъ Дубенскимъ кончился, и онъ подведенъ подъ манифестъ и уволенъ отъ званія сенатора; о земляхъ и лѣсахъ приказано войти въ соображеніе. Онъ опороченъ и едва ли воскреснетъ; онъ умѣлъ удержаться въ директорахъ при двухъ министрахъ, взять множество наградъ и нажить состояніе. За что онъ преданъ суду? Знаетъ Государь. Но ревизія, особенно назначеніе Болгарскаго, передача ея прямо въ Сенатъ и судъ его, сенатора, въ департаментъ, а не въ общемъ собраніи, суть нарушеніе, къ сожалѣнію успѣшное и вовсе не нужное. Судъ надъ Дубенскимъ былъ мой дебютъ на судебномъ поприщѣ. Я обработалъ предложеніе, принятое Сенатомъ и послужившее потомъ основаніемъ къ окончательному его осужденію въ Совѣтъ; я выставилъ два важнѣйшихъ обвиненія: объ отдачѣ Онежскихъ заводовъ и пріобрѣтеніи земель. По послѣдней статьѣ нельзя было иначе постановить, какъ въ моемъ проэктѣ, отобрать земли, что и принято Совѣтомъ.

(Продолженіе будетъ).